

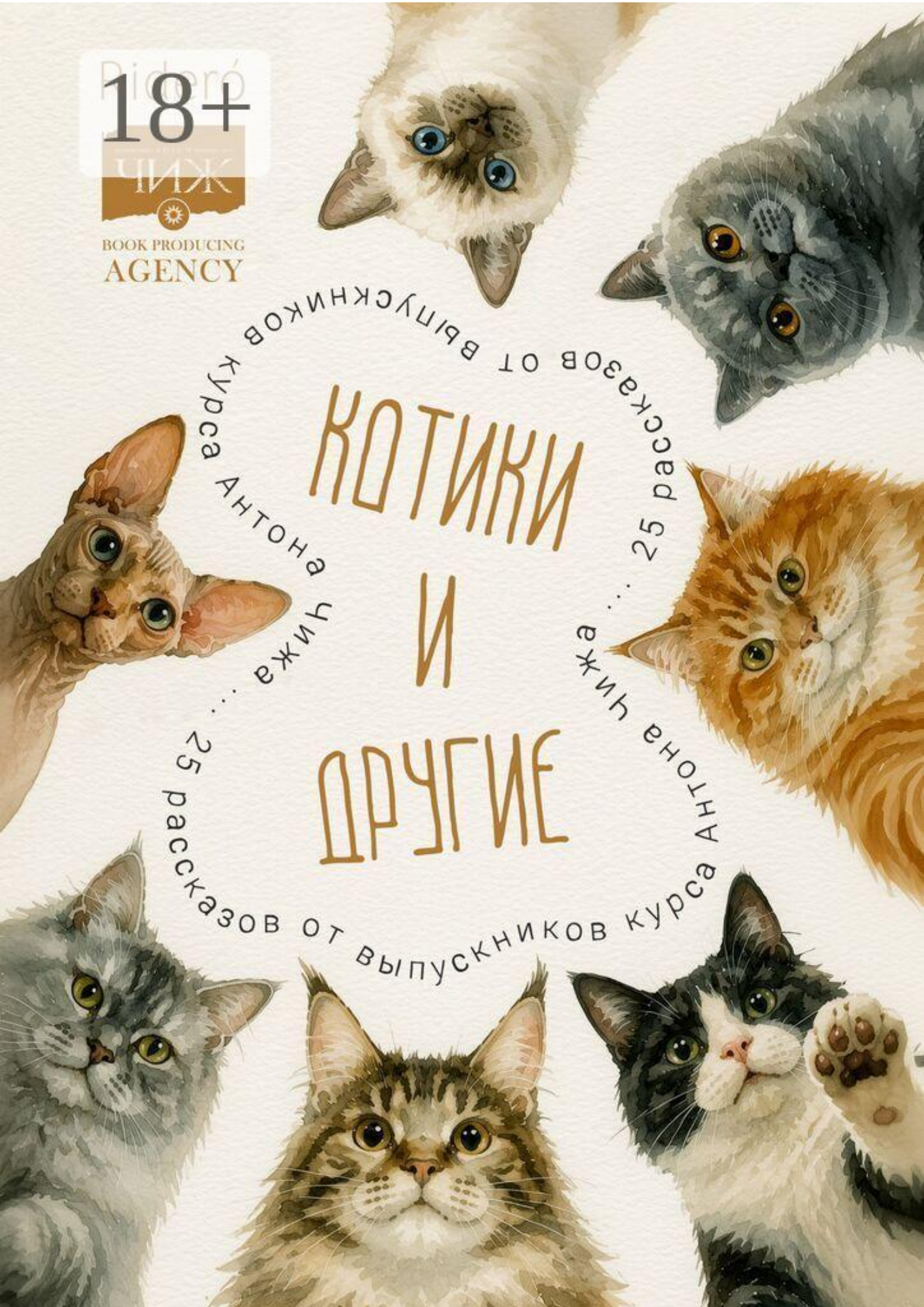
18+

BOOK PRODUCING
AGENCY

КОТИКИ И ДРУГИЕ

25 рассказов от выпускников курса
Антон Чиж ... 25 рассказов от выпускников курса

Алексей Бурштейн

Котики и другие.

**25 рассказов от выпускников
курса Антона Чижа**

«Издательские решения»

Бурштейн А.

Котики и другие. 25 рассказов от выпускников курса Антона Чижа
/ А. Бурштейн — «Издательские решения»,

Котики. Котики? Котики! И не только. 25 авторов мастер-курса Антона Чижа взялись за самую популярную тему: котики во всех их видах, проявлениях и формах. И собрали сборник «Котики и другие». Вас ждут необычные, захватывающие, странные, милые, неожиданные, страшные и даже смешные рассказы. В общем, всё, что бывает в наших отношениях с этими чудесными, наглыми, самодовольными и такими любимыми созданиями, как наши коты. И кошечки, конечно.

Содержание

Лада Баски.	6
Вера Федорова.	14
Арина Браги.	21
Леся Сиргиенко.	28
Пётр Некрасов.	36
Светлана Рудакова.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Котики и другие 25 рассказов от выпускников курса Антона Чижа

Авторы: Баски Лада, Федорова Вера, Браги Арина, Сиргиенко Леся, Некрасов Пётр, Рудакова Светлана, Демихова Татьяна, Спиридонова Ольга, Веценина Южана, Атлас Алиса, Бурштейн Алексей, Амурский Алексей, Леднева Дарья, Резникова Наталья, Афанасьев Максим, Курганова Юлия, Кемис Ниа, Бирма Николай, Лемеш Ирина, Ости Катя, Душина Евгения, Меркушин Дмитрий, Самарова Юлия, Соль Рита, Лапшина Ирина

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency
Дизайнер обложки Клавдия Шильденко
Корректор Ольга Рыбина

© Лада Баски, 2026
© Вера Федорова, 2026
© Арина Браги, 2026
© Леся Сиргиенко, 2026
© Пётр Некрасов, 2026
© Светлана Рудакова, 2026
© Татьяна Демихова, 2026
© Ольга Спиридонова, 2026
© Южана Веценина, 2026
© Алиса Атлас, 2026
© Алексей Бурштейн, 2026
© Алексей Амурский, 2026
© Дарья Леднева, 2026
© Наталья Резникова, 2026
© Максим Афанасьев, 2026
© Юлия Курганова, 2026
© Ниа Кемис, 2026
© Николай Бирма, 2026
© Ирина Лемеш, 2026
© Катя Ости, 2026
© Евгения Душина, 2026
© Дмитрий Меркушин, 2026
© Юлия Самарова, 2026
© Рита Соль, 2026
© Ирина Лапшина, 2026
© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1828-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лада Баски. КОШКА С ОСТРОВА КИЛЬДА

Жёлтые глаза недобро следили за эмоциями, бушевавшими внизу, на единственной улице деревни. Усы нервно трепетали всякий раз, когда до них долетали брызги возмущения, ярости и страха. Кончик хвоста то припадал к черепице, то отдёргивался от неё. Чёрный нос с удовольствием вдыхал запахи сырости, травы и людского жилья. Настороженные уши вбирали рокот голосов, то накатывающий, то стихающий.

- Чего там, надо ехать!
- Кому мы там нужны!
- А здесь нужны? Себе разве что!

Синие блины беретов, серые рубахи, жилеты грубой вязки. Широкие плечи, бурые от загара и морского ветра лица, жилистые кулаки. Мужчины острова Кильда обступили своего пастора, явившегося на ежеутреннее толковище с письмом.

- Да там людей больше, чем у нас тут птиц!
- Жить-то, жить где будем? На какие деньги строиться?
- Старики пусть остаются, а мы поедем! Там и жизнь полегче, и за работу платят больше!

Круглая шляпа, чёрный сюртук, белая полоска воротничка — недвижная скала в кипящем прибое. Преподобный Фергус вновь развернул плотный лист с печатями. Глубокий голос легко перекрыл хриплые выкрики.

— Повторяю. Правительство Шотландии предлагает вам освободить остров. Лэрд выкупит ваши дома и скот. Этих денег вам должно хватить на переезд и первые расходы.

— А к чему, к чему это всё? — сунулся к пастору старик с оттопыренными ушами. — Чего это вдруг мы должны уезжать с Кильды?

— Правительство собирается устроить здесь заповедник для птиц, Хью, — бесстрастно ответил пастор.

Мужчины снова загомонили. Жёлтые глаза скользнули по ним и устали на женщин, стоявших поодаль. Круги от брошенных камнем последних слов добрались и до них: заколыхались широкие клетчатые юбки, повязанные платками головы склонялись друг к другу, руки теребили узлы шалей. Острые уши чуть повернулись к женщинам и уловили приглушённые проклятия, тяжкие вздохи и быстрое перешёпывание.

— Не поедем мы никуда, — мрачно буркнул высокий кряжистый островитянин. — Птиц пожалели... о нас бы кто позаботился.

— Погоди, Донни, — сказал немолодой мужчина со шрамом на щеке. — Ваше преподобие, неужто в письме так и сказано — уступайте место птицам? И все?

Пастор блеснул голубыми глазами и холодно ответил:

— Лэрд предоставит вам жилье и работу в своих поместьях, Ангус.

Кто-то присвистнул.

- Мы всю жизнь на него работаем! Оглянуться не успеешь, весь в долгах.
- Не поедем со своей земли на чужую!

— Остров не ваш, — возразил пастор. — Это шотландское угодье сэра МакЛауда, вашего лэрда. Вы платите ему за право жить тут и возделывать поля. На материке вам предлагают то же самое.

Ангус спросил:

— А если откажемся?

— Вас никто не прогонит. Но долго ли вы протянете? За пятьдесят лет община сократилась вдвое, особенно после эпидемии.

— Бабы ещё нарожают!

Женщины возмущённо загомонили.

— От кого рожать-то? — выкрикнула крепкая молодка в чёрном платке. — Поистощились вы! Уж года три никакого приплоду.

Теперь обозлились мужчины.

— Помолчи, Катрина, — пробасил Донни. — Бабы слова не имеют.

— Об одном только и думают! На новом месте не своих, не своих растить будем!

— От тебя своего не дождёшься, Хью! — не удержалась Катрина.

Ангус вмешался, предупреждая потасовку:

— Решаем: ехать либо всем, либо никому.

— Нас хоть отпустите! Меня, Энди, Колина! — лохматый парень упёрся в Ангуса сердитым взглядом.

— Нет. Без вас нам зиму не пережить. Вы самые молодые. Голосуем?

Среди женщин пронёсся то ли вздох, то ли стон, но их мнения никто не спрашивал. Толпа вновь взбурлила, закрутилась в водоворот, а потом разделилась надвое — кто-то встал по одну сторону улицы, кто-то напротив. И без подсчёта стало ясно: тех, кто хочет покинуть остров, слишком мало.

Жёлтые глаза прижмурились. Распахнулась пасть, явив острые зубы и выгнутую спинку розового языка. Всё кончилось, смотреть больше не на что.

Но что это? Дразнящий аромат щекотнул чёрный нос. Он исходил снизу и слева. Взгляд скользнул по побитой черепице, стене из грубого камня, утопанному грунту улицы. У последнего дома стояла девочка лет девяти с миской в руках. Тёмные волосы в два хвостика, чумазая мордашка, зелёные глаза. Шерстяное платье открывало исцарапанные щиколотки, босые ноги безбоязненно перетаптывались по камешкам. В девочке не было ничего особенного, зато в её миске виднелись отличные рыбы головы, которые так вкусно хрустят на зубах.

Жёлтые глаза встретились с зелёными. Девочка улыбнулась. Она что же, видит?! Шерсть вздыбилась, хвост распушился, в глотке зарокотало. Девчонка попятилась, тряхнула миской. Как пахнет! Гнев ушёл так же быстро, как и появился. Розовый язык скользнул по губам. Пожалуй, можно снизойти до угощения. Но пусть девчонка уйдёт.

Чёрные лапы нетерпеливо переступили по краю крыши.

— Анни! — послышалось из дома. Девочка подскочила, чуть не выронив миску.

— Анни!

Она метнулась к двери. Вернулась, умоляюще глянула вверх. Снова отступила к крыльцу.

— Анни! — уже сердито.

Она покорилась. Поставила миску на землю, в последний раз глянула в жёлтые глаза и побежала в дом. Хлопнула дверь, заглушив мягкий прыжок. Качнулась трава, шелестнул лист, миска, минуту назад полная, опустела. Словно по волшебству.

* * *

Светлые летние ночи окружают Кильду колдовским мерцанием. Самые простые вещи выглядят непривычно и чуточку таинственно, что уж говорить о доме леди Грейндж, или Сердце Кильды. Именно в это время всегда случается что-то необъяснимое, о чём потом будут рассказывать в зимней тьме, когда не только тело, но и душа просит тепла. И потому летнего солнцестояния Анни ждала не меньше, чем Рождества.

Она лежала в постели и никак не могла уснуть. Утром ни минуточки лишней не будет, ведь надо сбегать подоить Дейзи до того, как загремит школьный колокольчик, а это не близкий путь. Но преподобный Фергус не любит, когда опаздывают. Неважно, сколько дел тебе пришлось переделать, придёшь после звонка — пеняй на себя. Надо, надо заснуть, но всё равно не спится. Глаза распахиваются сами собой навстречу светлому небу и лёгким позолоченным облакам. Утром Анни видела чудесное создание. Что же случится ночью?

Марион, мать Анни, тоже не спала: дорого время, когда можно работать, не зажигая лампы. Все женщины общины летом прядут шерсть или вяжут, сидя на крыльце, и болтают негромко, чтобы не будить детей. Но сегодня осторожность забыта — все слишком взбудоражены. И Анни слышно всё, о чём говорят мать и старая Меган.

— Как они могли отказаться! Давно пора перебираться на Большую землю.

— Нет, Марион. Здесь мы родились, здесь и умрём. Как говорится, родной уголок милей, чем восток.

— А я не хочу здесь умирать! — Марион сверкнула зелёными глазами, отбросила за плечо чёрную косу. — Я жить хочу! Не голодать зимой, не хоронить первенцев, не терять мужчин по весне от неизвестной горячки!

— Ну-ну, перестань. Тебе не повезло — при чём тут Кильда?

— А при том! Слышала, что сказал преподобный? Нас всё меньше и меньше. А почему? Потому что этот остров не для людей! Птицам здесь привольно, это верно. Скалы да пещеры, хищных зверей нет, рыбы полно. А людям этого мало!

— Надо быть благодарным за то, что посылает Господь, — Меган поправила шаль на плечах.

— Да ведь здесь не растёт ничего!

— Нам ячменя и картошки довольно. Яйцо олуши побольше куриного, у нас их сколько хочешь. Овцы тоже есть. Чего ещё?

— Помнишь, преподобный угощал нас яблоками с Большой земли? Дети и не знали, что эти мячики можно есть! А там они растут прямо на деревьях. Ты хоть одно дерево видела в своей жизни, Меган?

— Мне ни к чему.

— А я хочу! Хочу увидеть города, новую еду, незнакомых людей! Всё, о чём рассказывает нам преподобный. Мы же всех здесь знаем наизусть и давно надоели друг другу. Сколько нас, четыре дюжины?

Меган поджала губы, она была не сильна в математике.

— Я хочу, чтоб моя дочь ходила в большую школу и сама стала учительницей!

— Уймись, Марион, это всё гордыня. Куда Анни учительствовать, она ж у тебя немая!

— На Большой земле есть врачи, может, они её вылечат! Ведь Анни щебетала, как птичка. А как Фил умер... — у Марион перехватило дыхание, она отвернулась. Меган похлопала ее по плечу.

— Что поделатъ, милая, Бог дал, Бог и взял. Не тешь себя напрасными надеждами, не возносьсь.

— Время на Кильде застоялось, как вода в болоте. Большая земля давно ушла вперёд, как корабль с мотором, а мы всё шлёпаем вёслами. Вспомни, что говорил преподобный Фергус — там легче жить. Неужели тебе самой не хочется не таскать воду из колодца, а брать из трубки прямо в доме? Зажигать свет пуговкой на стене? Не копать и не сушить торф, а купить уголь для камина? Лечить все хвори таблетками, а не бесполезными заговорами?

Меган хмыкнула.

— Моя главная болезнь — старость, её таблеткой не вылечишь, разве что колдовством. А если б мне и предложили вернуть молодость, я бы осталась тут, пока жив огонь в Сердце Кильды.

Меган посмотрела в даль, где отвесные чёрные скалы уходили на немыслимую высоту. Над одним из уступов в крошечной пещерке всегда трепетало яркое пламя, видимое даже из деревни. Его никто не поддерживал, но оно никогда не гасло. Сердце Кильды спасло не один корабль, занесённый в эти края штормом.

Марион упрямо тряхнула головой. Она чувствовала свою правоту, но видела, что Меган не переубедить. Молчание стало неловким. Меган засобиравлась домой. Собрала неоконченное вязание в корзинку, с трудом поднялась со скамьи и вдруг ахнула и перекрестилась.

— Это что же такое, Марион?

На дне перевёрнутой лохани в угольных штрихах угадывались круглая голова с острыми ушками, выгнутая спина, пушистый хвост.

— Анни нарисовала.

— Откуда... где... твоей дочери явилась Кэт-ши?

Марион нахмурилась.

— Быть того не может. Для чего бы охотница за душами к нам пожаловала? В деревне никто не умирал.

— Значит, умрёт! Кэт-ши чувствует грядущую смерть, — у Меган загорелись глаза.

— Не пугай меня, Меган! Анни выдумала, она часто рисует что в голову взбредёт, — в тревоге сказала Марион.

— А откуда твоей дочке знать, как выглядит кошка? У нас на острове отродясь их не бывало. Я девчонкой видела такую картинку, так её уж сорок лет как ветром унесло!

— Но ведь Кэт-ши невидимка!

— Не всегда, — Меган раскраснелась, седые волосы выбились из-под платка. — Моя бабка говорила, что Кэт-ши может кому-то показаться. А потом либо у живой душу отнимет, либо желание исполнит, если ей жертву принести. Злая она фея, своенравная.

— Господь всемогущий! — голову обдало жаром, сердце зашпешило, подгоняемое беспокойством. Марион отбросила вязание, перекрестилась и ринулась в дом, чтобы убедиться, что с Анни всё в порядке. Одна дверь, другая... Кровать в самом тёмном углу, смутный холмик одеяла у стенки. Дыхание зачастило, словно пробежала невеста сколько. Марион осторожно приподняла одеяло и застыла, прижав руки к сердцу.

Кровать была пуста.

* * *

Солнце скрылось за морем. Прозрачный голубоватый сумрак сочился с неба, колыбался в воздухе, густея, уходил в землю. Ни света, ни тьмы, тень лета на границе с осенью; запах травы и моря; безмолвие, в котором легко парить, раскинув крылья обманчивой свободы.

Анни торопилась. Она знала, что нужно делать. Как услышала о желании, так и выскочила в окно в одной рубашке, чтоб не терять времени, только шаль прихватила. За душу она не боялась — если б Кэт-ши хотела, уже забрала бы её, но ничего такого Анни не чувствовала. Может, рыбы головы не очень подходят для жертвы, но ведь фея их приняла? Всё съела, ничего не оставила. Значит, понравились. И теперь она выполнит желание Анни. А если нет, можно принести другую жертву.

О жертвах Анни имела самое смутное представление. Вроде бы это что-то вкусное. Из Библии помнился какой-то ягнёнок, которого надо было зарезать. Но овцы уже отъегнились. Лучше она поймает для Кэт-ши тупика — птичку с оранжевым клювом, которая живёт в скальных норах. Они такие вкусные! Анни невольно облизнулась.

Она давно миновала улицу и спускалась к морю. На берегу было место, куда Кэт-ши непременно придёт, если ей нужна душа мёртвого человека. Анни бежала и про себя перебирала желания. Если подумать из всех сил, громко, Кэт-ши наверняка услышит. Надо только выбрать правильные слова, а то в сказках герои вечно говорят какие-то глупости и получают не то, что хотят.

У Анни было много желаний. Есть конфеты каждый день, а не только тогда, когда приходит торговый корабль. Увидеть живую лошадь. Потом, прокатиться на настоящей машине, про которые рассказывал капитан с Большой земли. Нет, это всё ерунда. Надо выбрать одно, самое большое. Заговорить! Снова заговорить, научиться петь! Вот оно, главное желание.

Она думала так усиленно, что не заметила, как вышла на берег. Здесь стоял необычно большой клейч — круглый домик, сложенный из грубых камней, с крышей, поросшей травой. В маленьких островитяне хранили еду, а в этом в незапамятные времена жила леди Грейндж. Муж хотел избавиться от неё, но боялся совершить смертный грех. Вот и сослал её на Кильду, чтоб леди Грейндж сама умерла от голода и холода. Да только она не стала ждать и повесилась на своём поясе. С тех пор её неприкаянная душа ютилась в клейче и бродила по берегу в белой рубашке. Лакомая добыча для Кэт-ши!

Конечно, Анни не собиралась отдавать душу злой фее. Леди Грейндж будет лишь приманкой. Когда Кэт-ши придёт за ней, Анни отвлечёт её птичкой. Все дети Кильды знают, как поймать тупика. В скалах полно нор. Нужно только обернуть руку шалью... осторожно запустить её поглубже в нору... и-и-и... Ура!

Добыча затрепыхалась в руке. Торжествуя, Анни завернула птицу в шаль и вернулась к дому леди Грейндж. Она выбрала подходящий валун, уселась на него и принялась ждать, наострив уши и вглядываясь в окрестности.

Её сразу обступили вкрадчивые шорохи и неясные тени. Вдали шелестел прибой, то загребая гальку, то выбрасывая её на берег. Ветер играл колосками, в траве попискивала мышь. Что-то мелькнуло и пропало за дальним клейчем. Анни вытянула шею. Ничего не увидела, но почувствовала, что на неё смотрят.

Анни стало неудобно. Дрожь щеkotно пробежала по спине, ноги озябли. Она натянула рубашку на колени, нетерпеливо оглянулась. Утренняя встреча всплыла перед глазами. Анни тогда от скуки рассматривала крыши и гадала, с какой вскоре упадёт кусок черепицы. Что, если и теперь...

Не додумав, она вскинула голову и сразу же увидела жёлтые глаза, светящиеся в растущей на крыше траве. От неожиданности Анни чуть не свалилась с камня. Чёрная, как ночь, кошка с белой манишкой стала гораздо больше, чем была утром. Птица слабо трепыхнулась в руке, и Анни опомнилась.

Она помахала Кэт-ши и показала ей птицу. Жёлтые глаза блеснули. Анни положила птицу в траву. Голова вдруг стала пустой и гулкой, и лишь одна фраза раз за разом повторялась в ней громким шёпотом. Не отводя глаз от Кэт-ши, девочка отступила на один шаг, второй...

Чёрная тень выметнулась из-за скалы, взмахнула крыльями и пала на Анни, спеленав её по рукам и ногам. Ни шевельнуться, ни вздохнуть; можно только слабо трепыхаться, как пойманная давеча птичка. Всё вокруг пришло в движение: море угрожающе надвинулось, небо потемнело, воздух твёрдым колом застыл в горле. Кэт-ши спрыгнула с крыши. Низкий рык, ничуть не похожий на утреннее ворчание, заставил похитителя Анни вздрогнуть. Хриплый голос забормотал:

— Отдаю тебе её душу. Прими мою жертву, фея полуночи! А взамен дай мне молодость. Прими мою жертву живой или мёртвой. Верни мне молодость!

Жёлтые глаза приблизились к лицу Анни, мокрый нос коснулся уха, усы царапнули голую шею, осыпав кожу мурашками. Анни дёрнулась, беспомощно открыла и закрыла рот. Спиной ощутила непонятное движение, рывок — и острая сталь прижата к горлу.

— Живой или мёртвой?

— Анни-и-и!

Знакомый голос клином врезался в сгущающийся мрак. Кэт-ши отскочила; рука, державшая нож, дрогнула, тёплая капля крови скользнула за воротник рубашки.

— Анни-и-и!

Тело выгнулось в судороге отчаяния; рот широко открылся, язык шевельнулся, выталкивая непослушный воздух. Губы сошлись и снова разошлись, не пропустив ни звука. Нож снова остро царапнул кожу. Живот напрягся, в груди что-то пискнуло.

— Ма-а-а, — выдохнула Анни. Вновь придвинулись жёлтые глаза. Короткий взмах, когтистая лапа полоснула руку, державшую нож. Грянул вопль, рука ослабела. Анни сделала вдох, и долгожданный крик пробился из стиснутого горла:

— М-ы-амма-а-а!

— Анни, Анни!

Тёмная тень отлетает в сторону, катится по камням, воя и прижимая к себе покалеченную руку, а Анни оказывается совсем в других объятьях. Сильные руки гладят её, ощупывают, жаркие поцелуи покрывают лицо. Анни снова выдыхает:

— Мам-ма-а-а, — и на её лоб падает тёплая капля. Одна, вторая, и снова мамины руки, поцелуи, её спасительная близость. Непомерное облегчение накрывает Анни с головой, как тёплое одеяло, и больше она ничего не видит и не слышит.

* * *

Небо над утренним толковищем затянуто тучами. Сумрачны и лица мужчин. Сегодня творится неслыханное — женщины не остались в стороне, как обычно. Одна даже привела маленькую дочь. Но никто не возражал.

Слово взял пастор.

— Прихожане! Вчера одна из жительниц острова совершила чудовищное злодеяние — она покушалась на жизнь ребёнка.

Он переждал поднявшийся шум и продолжил:

— Старая Меган хотела принести Анни в жертву языческому божеству. Она поверила посулам врага человечества ипустила его в свою душу. Господь отвернулся от неё; она потеряла разум. Я связал и запер её в церкви, чтобы она не причинила вреда ни себе, ни другим. Но бес, овладевший ею, не вынес святости храма и покинул её тело, забрав с собой её жизнь.

На этот раз никто не издал ни звука. Угрюмая тишина опустилась на улицу, согнула плечи мужчин, опустила головы женщин, вытирающих слёзы уголками шалей. Лишь Марион не плакала. Негромко, но твёрдо она сказала:

— Я забираю Анни и уезжаю. Я не хочу оставаться там, где ей угрожает опасность. Чьё-то безумие, голод или болезнь — мне всё равно. На Кильде нам некуда бежать и неоткуда ждать помощи.

Анни сморщилась — Марион сжала её руку слишком сильно — но промолчала.

— Не знаю, что ждёт нас на большой земле. А здесь... Мы больше не нужны Кильде, а она — нам. Она гонит нас, истребляет, а мы всё цепляемся за её траву и камни, как малые дети за подол матери. Нам пора повзрослеть. Пора уйти в большой мир, дать нашим детям будущее, а Кильде покой!

Марион запнулась. Толпа смотрела на неё — голубые, серые, карие глаза, полные боли, гнева, страха и надежды. Марион тяжело сглотнула. Голос её прервался, когда она сказала:

— Мне страшно уходить на Большую землю. Но оставаться ещё страшнее.

* * *

Мотор взревел, винты врезались в синюю гладь и взбили её в пену. Корабль начал разворачиваться, целясь в открытое море. Островитяне столпились на корме, чтобы бросить последний взгляд на чёрные скалы, заросшую травой лощину и горстку каменных домиков — неласковый, тесный, единственно знакомый им мир.

Марион прощалась с Филом. Теперь она уходит, а он остаётся. Она больше не сможет приходить к нему, когда пожелает. Она невольно стиснула в кулаке кожаный мешочек, висящий на шее рядом с крестиком. Камешек с его могилы, травинка и комочки земли — всё, что она могла увезти, помимо воспоминаний.

Анни смотрела на мать и не понимала, почему она плачет. «Пусть мамина мечта сбудется так, как она её мечтает», — вот что твердила она про себя в ту ночь. И всё получилось! А она грустит. Анни отвернулась, закрутила головой, разглядывая отвесные гранитные стены, которые будто пятились от корабля к горизонту. И вдруг крикнула:

— Смотрите!

Одна за другой головы островитян поворачивались в том направлении, куда указывала Анни. Огромная чёрная кошка с белой манишкой, сидевшая на площадке у Сердца Кильды, теперь была видна всем. Словно почувствовав взгляды людей, Кэт-ши потянулась, прогнув спину, неторопливо прошла перед пещерой и уселась на крошечном пяточке — греться у волшебного огня. Дружный вздох пронёсся среди островитян.

Кэт-ши присвоила душу Кильды, оставшись единоличной хозяйкой острова.

Вера Федорова. ЛАПУСИК

Приятно, когда почёсывают за ухом.

— Барсюша, котик.

Ой, хорошо! И за левым тоже. Нежнее. Ещё, ещё.

— Всё, мне пора в школу.

Ну, как всегда. Только захочешь ласки, нет времени для котика.

— Барсик! Что ты наделал! Это же новый рюкзак на день рождения! Мама!

Подумаешь, пара царапин. Ерунда. Неужели реветь из-за этого? Вот и мамуля прибежала.

— Барсик, у тебя же есть когтеточка!

Ну и что, когтеточка. Тоска. Никаких новых ощущений. И драная она уже.

— Мила, не переживай так. Почти не заметно. Это Барсик просто поиграл с твоей капибарой.

А нечего непонятно кого на рюкзаках рисовать. Капибара. Что за зверь такой? Везде у неё эти капибары. Коты гораздо симпатичнее. Я, например.

— Он плохой. Он колбасу утащил с бутерброда!

Нажаловалась. Сама разрешила. Они вкусенькое едят, а мне сушку. Уморить хотите котика? Идите уже в свою школу. Разорались. Я лучше к папе пойду в кабинет. Когда я лежу у компьютера, моё мурчание помогает ему настроиться. Он говорит, я почти соавтор.

Возле экрана так тепло. Приятно. М-р-р, м-р-р-р... И что бы он без меня делал? А ведь никто и не вспомнит потом про мои заслуги. Не бывает котов-учёных. Один только был, и то в книжке у Милы. Всё по цепи ходил, а зачем, непонятно. М-р-р, м-р-р. Потягушечки...

— Что ты наделал, скотина лохматая! Ира!

А нечего было чашку с кофе у клавиатуры ставить. Ой, кажется, это серьёзно! Атас, в убежище! Под диван или на шкаф? Куда, куда? На шкаф? Нет, под диван. Фигушки, не доста-нете! Всё, котик устал.

* * *

— Барсик, хватит спать! Выходи, папа уже не сердится.

Ага, знаю я. Он до завтра орать будет.

— Барсик, Барсик!

Вот пристала. Я семь лет уже Барсик. Фантазии не хватило по-другому назвать! Вон кошка с третьего этажа — Аннабель. Это я понимаю, хотя морда у неё противная. А хуже Барсика только Мурзик.

— Барсик, я тебе покажу мой подарок!

Обойдусь. Очередная капибара какая-нибудь. Вот если б мне подарок сделали, рыбку там или колбаску.

— А вкусняшку хочешь?

Вот с этого и надо было начинать.

* * *

Ну и где? О, Барчуков припёрся. Новый друг семьи. Ботинки, смотрю, не снял. Правильно. Бойтся, что я их вместо лотка использую. Как в прошлый раз. А нечего было грязные ботинки на мою лежанку ставить и ещё ногой меня откидывать!

Лица у всех такие хитрые. Уставились на меня. Вкусняшки где? На полу только подарочная коробочка стоит, и ленточка рядом валяется. Похоже, это Барчуков подарок притащил. Поздновато вспомнил. День рождения-то вчера был.

— Мила, открывай!

— Сюрприз!!!

Что? Это... это кот?! Не верю своим глазам. Точно, кот. Из коробки выпрыгнул, озирается. Зачем кот? А как же я?

Мила его на руки берёт, гладит.

— Какой он лапочка, да? Лапусечка. Я буду звать его Лапусик. Барсик, познакомься!

Ну уж нет. Близо не подойду. Это и есть сюрприз! Издеваетесь, да?

— Мне, кажется, он боится.

— Он ещё не понял. Барчуков, ты гений!

— Это ты у нас гений. А тут всего пара месяцев работы...

— Барсик, Барсик!..

Кажется, я понял. Это месть Барчукова за ботинки. Ну ладно, ещё посчитаемся. А пока видеть вас всех не могу.

* * *

Главное, чтобы до него сразу дошло. Это моя миска, это моя лежанка и эта тоже. Это моё место на подоконнике, и на шкафу. И у папы. И лоток мой!

Идёт. Лапусик, у-р-р! Пусть только попробует в мою миску сунуться! У-р-р!

— Барсик, не урчи! Не нужна ему твоя еда.

Ага, не нужна. Только отвернётся, сразу цап. Тем более, для него-то миску не поставили, и поилку не поставили, и лоток. На моё рассчитываете? Фигушки!

— Лапусик, дай лапку!

Ничего себе! Даёт.

— Лапусик, иди на ручки!

Запрыгивает. Дрессированный, что ли? Или хитрый?

— Молодец! Мам, он какой породы?

— Похож на сиамского.

Ага, сиамский. Я тогда бобтейл. Потому что у меня полхвоста нету. Мамуля в детстве дверью прищемила. Говорит, случайно. Никогда ей этого не прощу.

Сделал две лужи — на кухне и в коридоре. Пусть думают, что это Лапусик, и свой лоток ему покупают. Почему-то все решили, что это я. Папа поскользнулся на луже и опять орал, что я скотина лохматая. Мамуля предположила, что я ревную. Ещё чего!.. А Лапусик вообще поразил. Притащил в зубах из прихожей тряпку и лужу вытирает. Кринж!

* * *

Второй день за ним наблюдаю. Он странный. Котом не пахнет. Не ест, не пьёт, лотком не пользуется. Может, правда, сиамский. Может, они раз в неделю едят. Положил у него перед мордой кусок сосиски. Можно сказать, от себя оторвал. У меня слюни текут, а он даже не притронулся. И мяучит как-то непонятно. Вроде бы по-кошачьи, но ничего не разберёшь. Пытался ему объяснить: я тут главный. Он не реагирует. Глаза какие-то стеклянные. Точно сиамский. У нас такие не водятся. Вообще меня не замечает. Наглый такой. Тронул его лапой. Твёрдый.

— Мам, а Барсик стукнул Лапусика!

Если бы стукнул, он бы к стенке отлетел. Он же мелкий по сравнению со мной.

— Барсик просто общается. Ему надо привыкнуть к Лапусику.

Не хочу я к нему привыкать. Он что, здесь навсегда? Без него прекрасно жили. Тем более, на контакт не идёт. Был бы нормальный кот, могли бы вместе на занавесках висеть, или колбасу тырить, или в шкафу на белье валяться. Но нет.

* * *

Мила больше не пускает меня в свою комнату. Меня, любимого котика! Теперь там Лапусик. Она с ним разговаривает, играет, подружкам видео шлёт. Какой он лапусечка-тутусечка, умненький, послушенький.

Мамуля от него тоже в восторге. Видел, как Лапусик ей на кухне помогает. Принеси то, подай это. И ведь несёт. То ложку, то пакет, то салфетку. Ловкий такой. Ничего не разбивает, не опрокидывает. Дверцы шкафов лапами открывает. Думал, только я так могу. Обалдеть! Из машины лапами белье в тазик выгребает. Я эту машину ненавижу. Всегда ухажу, когда работает.

— Молодец, Лапусик. Спасибо. Учись, Барсик, хорошим манерам!

Нормальные у меня манеры, кошачьи. И хвост я никому не прищемлял. Я — кот, а не подлиза дрессированная. Выждал момент и столкнул со стола сахарницу. Типа это Лапусик. Но выгнали из кухни меня.

К папе пойду. Он меня пока в кабинет не пускает, но ничего, так уже бывало, подожду. Полежу под дверью.

Этот Лапусик и к папе подлизывается. Ходит за ним. Папа очки найти не мог, Лапусик их откуда-то притащил. Папа даже его погладил. Ну, уж к папе я его не подпущу!

* * *

— Барсик, что ты наделал!

— Вот тупая скотина!

Что? Где? Я?

Кошмар! В кухне на полу — лужа молока, крупа рассыпана, занавеска оторвана. А ведь это не я! Как им объяснить?

— Хватит орать! Совсем обнаглел! Будешь сидеть тут до вечера.

И ты, папа... Меня за ошейник и в кладовку. Я теперь не только лохматая, но и тупая скотина. Обидно до слёз. Что делать? Что делать? Спокойно. Думай, Барсик, думай. Ну, допустим, дверь я открыть смогу. Нужно подпрыгнуть и повиснуть на ручке. А дальше?.. Дальше разобратся с этим подлым Лапусиком. Хватит его терпеть! Он меня подставил. Больше некому. Подарочек Барчукова. Хотят меня из дома выжить. Фигушки! Я вам ещё покажу! Но сначала надо поспать, набраться сил. Котик устал и зверски обижен.

* * *

Дверь открыл. Тихо. Выхожу. Ну, где этот Лапусик? Наверное, у Милы. Надо его в коридоре подкараулить. В засаде... А кто это в папину дверь скребётся? Настойчиво так. Моё место хочет занять. Фигушки! Сейчас за все ответишь! Держись, гад сиамский! У-р-р! У-р-р-р-р!

Прыжок, когти, зубы, загрибок. У-р-р-р! Получи!.. Ой! Меня за лапу и об стенку?.. И ещё! Больно-то как. Ой, тумбочка опрокинулась. Ой, ботинком по голове! Ой, каблуком по носу... Не сдаваться! У-р-р! У-р-р!.. Прыжок. Захват... Ой, больно! Что ты делаешь! К полу прижал. Клыки из пасти вылезли. Ой, загрызёт!.. Отстань! Отцепись! Помогите!

— Барсик, прекрати! Ты с ума сошёл!

Да не я это! Он сам в меня вцепился. Не видите, как по полу валяет!

— Мама! Папа! Он сломает Лапусика!

Он сам меня сломает. Ой, ой!

— Ира, принеси воды! Плесни на него!

Уф, отпустил. Отдышаться надо. Уф, уф!.. Видите, что он со мной сделал. Монстр! Накажите его! Но что я слышу? Какое-то жалобное мяуканье. Прямо двухнедельный котёнок-сирота. Лапусик. К стене прижался, дрожит.

— Лапусик, бедненький! Иди ко мне, малыш! Смотрите, у него царапки...

И реветь. И на меня ногой топ.

— Барсик — плохой кот! Уходи!

И папа не лучше. Злой, как не знаю что.

— Видно эта скотина слов не понимает. Совсем обнаглел!

И меня тапком хлоп!

— Ира, чтобы больше здесь никаких котов!

И снова замахивается. У меня и так всё болит. В убежище! Скорее!

Меня тапком?! Какое унижение! Меня защищать надо! Меня Лапусик чуть по стенке не размазал. Чуть остаток хвоста не оторвал. Лапа болит. А вам всё равно. Даже не заметили, как у него глаза светятся. Как лампочки. Про клыки вообще молчу. Не как у обычных котов. Жуть! Что он вообще такое, этот подарочек?

* * *

— И где он?

— Под диваном. Где же ещё. Пусть сидит.

— Ир, серьёзно, сколько можно терпеть его выходки?

Эх, папа! Я тебя так уважал.

— Мы в ответе за тех, кого приручили. Давай сейчас успокоимся...

— А что изменится? Уличный — значит проблемный. Это навсегда. Вспомни, как он нам потоп устроил.

А надо было вовремя воду в миске менять и кран чинить.

— И что ты предлагаешь? Приют?

— Если нет другого выхода... Мила не расстроится. У неё отличная игрушка есть...

Что я слышу? И это от близких людей. Хотя какие они близкие. Предатели! Избавиться хотят. Никому я не нужен. Сиротинушка!

Да я и сам здесь не останусь. Ну их всех! Особенно Лапусика. К тёте Свете уйду. Она меня точно любит. И сырники со сметаной у неё вкусные! Пару раз в неделю хожу подкрепиться. По перилам балкона. Тётя Света говорит, оставайся у меня, толстячок. Ты такой замечательный, такой красавчик. А я не остаюсь, у меня ведь дом есть. Был.

* * *

Так, в комнате никого. Прыжок, ручка двери. Приоткрыть, протиснуться в щель на балкон. Теперь по перилам мимо наших окон. Балконы полосой почти по всему этажу. Можно и дальше тёти Светы пройти, но там живёт вредный дед. Хуже него только сосед под нами. Сключник, так папа говорит.

Всё, пока! Окна у папы в кабинете занавешены, но есть небольшая щель. Так и манит. Эх, загляну напоследок.

Ничего себе! Вот это да! Лапусик сидит на столе у папы и смотрит на экран компьютера. Пробрался всё-таки! А папа спит рядом в кресле. И он не видит, как Лапусик нажимает кнопки на клавиатуре. Обалдеть! Мне даже близко такое не разрешалось. Постучать по

стеклу? Страшно. Ой, кажется, Лапусик на меня смотрит! Глаза сверкают. Жуть!.. Вдруг головой завертел, какую-то маленькую штучку из компьютера вытащил и себе в пасть засунул. Сам свернулся возле монитора на моём месте, вроде спит. Вошла мамуля, взяла его на руки, унесла и дверь закрыла. Папу будить не стала. Что это было вообще? Думай, Барсик, думай!

* * *

Я что, заснул на балконе? И что это за люди в масках и одинаковой одежде у папы в кабинете? Трясут его, дают что-то понюхать. Он головой встряхивает и снова спит. Мамуля вокруг суетится. Люди в масках берут папу под руки и утаскивают куда-то. Ничего не понимаю.

А мне куда теперь? К тётке Свете? Домой? Запрыгнул на перила. Внизу папу в жёлтую машину с красной полосой запикивают. Тётя Света у подъезда спрашивает у мамули, что случилось? «Разбудить не могу. Переутомился, много работает» — это понял. А что такое «обследование» — нет.

Ясно, что тапком меня теперь никто не приложит и в приют не отдадут. С другой стороны — возвращаться страшно. Лапа ещё побаливает и голова. Там Лапусик. Это он что-то сделал с папой. Я уверен, Лапусик — зло! Но как это объяснить Миле с мамулей?

Наверное, надо вернуться. Если что мамуля и Мила с ним не справятся. Мила вообще на полгода меня младше. А я справлюсь?

* * *

Всё утро слежу за Лапусиком. На расстоянии. Понял одно. Ему надо в кабинет папы. Так и ходит кругами возле закрытой двери. Даже через балкон к окну подбирался, но там тоже закрыто. Мила и мамуля его всё время отвлекают.

Ничего не могу придумать. Котик устал. Подремлю у Милы в шкафу на моей тайной лежанке. Пока она с Лапусиком на кухне. Давненько я здесь не валялся. Ой, как хорошо, мягко!

* * *

Потягушечки... Что это? Лапусик! Сидит у Милы на кровати, а из пасти у него белое облачко прямо ей в лицо. Она засыпает? Атас! Мамуля должна это видеть.

Где она? На кухне нет. Стиральная машина приоткрыта. Значит, бельё на сушку вешает. Мамуля, скорее! Сюда! Просыпайся! Нет. Дрыхнет на стуле с мокрым полотенцем в руке. Проснись, ну! Не шевелится. Лапами по лицу не помогает. Сейчас укушу! Не помогает...

Вот он, Лапусик! Спокойно так мимо идёт. Что ты наделал, гад! Прыжок... Шлёп! Ой! Лечу под стол, как мячик. Тяжёлая у него лапа. Скалится, снова замахивается. Отползаю. Нет, не справлюсь мне с ним. Никак. Что делать, что делать? Бежать! Прятаться. Под диван или на шкаф? К тётке Свете?... погоди, Барсик. Это твоя территория. Ты должен её защищать. Должен, а если он сильнее? А если ты хитрее? Думай, Барсик, думай.

Лапусик запрыгивает к папе на стол. Спокойно так, уверенно. Никто ему теперь не помешает. Таращится в экран, кнопки нажимает. Деловой. На меня ноль внимания. Думает, справился. Маленькую штучку из пасти достаёт и в компьютер втыкает. Опять по кнопкам бьёт. Важная это штучка, если он её прячет.

А что если... Рискнуть или нет? Рискнуть или нет? Рискнуть или... Рискну. Прыжок на полку. Ещё выше! Задними лапами с полки бумаги прямо в морду Лапусику. Зубами штучку из компьютера дёрг. Теперь на кухню. У стиральной машины стоп. Штучка в зубах. Лапусик идёт ко мне, глаза горят. Типа отдай, сейчас же! Закидываю штучку в барабан машины, чтобы

он видел. Отпрыгиваю. Он заскакивает в машину. Дальше просто. Наваливаюсь со всей силы на дверцу. Щёлк. Нажимаю кнопку. Сто раз видел, как мамуля это делает. Пошла водичка!

Вот так меня в детстве чуть не прокрутили, когда я в бельё забрался. Хорошо вовремя заметили. Но воды наглотался и страха натерпелся. Бр-р-р!

Завертело. Лапусик громыхает в барабане, долбится в дверцу. Бах, трах! Искры, вспышка!

* * *

Лежу в луже на полу. Сколько пролежал, не знаю. Из стиральной машины идёт дым. Рядом валяется дверца. Видно меня этой дверцей шарахнуло. А вот и то, что осталось от Лапусика. Кучка горелых тряпок, железок, проводов. Да он просто игрушка! Как Милены капибары. Только ходячая. Фу, гадость!

Интересно, когда начнёт заливать склочника снизу. Хотелось бы быстрее, чем в прошлый раз. Он прибежит к нам скандалить и вызовет помощь. Мила, просыпайся! Никак. И мамуля никак. Только полотенце уронила.

Кажется, кто-то открывает дверь. Склочник пришёл? У него что, ключ есть? Скорее! Помогите! Вызовите жёлтую машину!

Это не Склочник. Барчуков! В куртке с капюшоном и в перчатках. Как он вошёл? Что ему надо? Явно помогать не собирается. По комнатам прошёлся. Мамуля с Милой спят, ему плевать. Остатки от Лапусика в пакет собрал. И к папе в кабинет. У Барчукова тоже своя штучка есть. Воткнул и быстро так по клавишам стучит. Ах ты гад! Это папино место. Цап его за штанину.

— Брысь, зараза! Убью!

Ага, щас!

Ну, в общем, дело привычное. Прыжок на полку, бумаги Барчукову в лицо, штучку в зубы и бежать. Только не на кухню. На балкон, на перила и к тётке Свете.

— Куда?! Стой!

Сажу на полу, штучку из зубов не выпускаю. Барчуков выглядывает из-за перегородки. Лицо перекошено, но старается быть вежливым.

— Кис-кис-кис! Как там тебя? Иди сюда, кошак! Пожалуйста! Вкусняшку дам.

Подманивает. Шаг вперёд, шаг назад. Тяну время. Ползет через перегородку или нет. Лезет. Так. Штучку на пол и орать.

— Заткнись, тварь! Кис-кис-кис!

А вот и тётка Света! Мужчина, куда вы лезете? Там кот мою вещь утащил. Какую вещь? Что вы вообще там делаете? Где Ира? Я полицию вызвала! Визг у тётки Светы просто оглушительный.

А вот и Склочник. Даже с балкона слышно, как он долбит и звонит в нашу дверь.

А вот и люди внизу собрались. А вот и белая машина с синей полосой.

А вот и жёлтая с красной полосой.

А вот и большая красная с белой полосой.

Теперь как-нибудь без меня с Барчуковым разберутся.

Тем более сырниками так вкусно пахнет. А котик проголодался.

* * *

Какое наслаждение дремать в кресле. Только папа с мамулей над ухом бу-бу-бу.

— Барчуков в своём роде талант! Создать такой совершенный механизм, чтобы украсть мои разработки. Лапусик ведь был его глазами, ушами, руками...

— Но помешал наш обормот.

— Вернее его разрушительная сила. Кто бы мог подумать, что пригодится.

Думаете, я просто шалил? Я боролся и страдал. Я ходы придумывал, план разрабатывал.

Эх, вы! Даже обидно. Так и знал. Совсем не цените котика.

— Мам, пап, я Барсику медаль сделала!

Что-то мне на шею надевает. Никак поспать не дают.

— Правда, он лапочка? Лапусечка!

Ф-р-р! Что?!

— Барсюша, котик!

Другое дело. Так приятно, когда почёсывают за ухом.

Арина Браги. КОТ МУРР И БИБЛИОТЕКАРША ИЗ БУДУЩЕГО

*В Калининграде гиды рассказывают, что все уличные коты —
потомки хвостатого соавтора романа «Житейские воззрения кота
Мурра».*

Из интернета

Кёнигсберг, Рождество 1799 года

Адвокат Кристоф Гофман хлопнул по скатерти газетой «Кёнигсбергер цайтунг», которую купил у мальчишки-разносчика после заседания суда. На белом кружеве остался след типографской краски, но он даже не поморщился. Крикнул жене:

— Луиза, полюбуйся, что твой обожаемый сын натворил! Зачем кончать курс юридических наук? Лучше прогуливать лекции Канта и в театре торчать!

Фрау Луиза Альбертина выплыла из спальни, поморщилась, разворачивая сыроватые страницы, взглянула на заголовок «Эрнст Теодор Вильгельм — сын юстиц-комиссара королевского суда Кристофа Гофмана арестован за поджог театра».

— Он не мог. Умоляю, Кристоф, спаси мальчика! Господи, ведь неделя до Рождества! Что будет с его невестой?

Муж удовлетворённо захохотал, налил вина в высокий бокал, отхлебнул, утёр усы и сказал презрительно:

— И как эта приличная семья согласилась на брак с нашим легкомысленным сыном? Теперь-то у них есть вполне достойный повод отказать ему. Ничего, пусть посидит в арестном доме — может, это вразумит его.

Калининград, канун нового, 2026 года

Ужасный переполох поднялся среди портовых котов Калининграда за неделю до нового года. Уважаемый всеми мейн-кун Кузя, обнимая кошечку Шушу, жаловался, что хозяйка разлюбила его. И пока он не научится писать мемуары, как его прапрапрадед Мурр, — не видать ему ни ласки, ни колбаски.

Полная луна и лёгкий снежок располагали к любви, но усаые-полосатые котейки совещались, как помочь товарищу. На крышу вскочил чёрный Котофей и смахнул золотой песок с усов. Ясно — песок непростой, значит, он нашёл решение. Котофей отвёл Кузю подальше от любопытных глаз и ушек, и они зашептались.

Кто же разбил сердце Кузи? Его хозяйка, библиотекарша Сильва Шапокляк! Накануне она на кухне чаёвничала с подругой Мотей и разоткровенничалась:

— Готовлю новогодний перформанс и перебираю в уме несчастья Гофмана. Как несправедливо расторгли его помолвку, и он навсегда сбежал из Кёнигсберга. Вот бы попасть в прошлое и доказать его невиновность!

— Да ты фанатка Гофмана!

Кузя, пригревшись на холодильнике, замурчал призывно. Сильва встала, взяла пакетик кошачьего лакомства и, разорвав уголок, стала понемногу надавливать на тюбик, чтобы он слизывал кошачью конфетку из лососа. Обернулась к Моте:

— Но мой идеал — сказочный самодовольный кот Мурр... мемуары писал... а мой Кузя ничего не напишет... — и она отняла и выбросила тюбик, не дав ему время всё доесть.

Сильва вернулась к столу и спокойно опустила сушку в чай, а у Кузи сжалось сердце. Так вот он и оказался ночью на крыше, подняв переполох.

На следующий день Сильва пришла в библиотеку пораньше, пересекла ярко освещённый, но ещё пустой актовый зал и открыла дверь в свой кабинет с табличкой «Фонд Гофмана». Привычно послала воздушный поцелуй портрету молодого Гофмана. На фурке¹ уже висели костюмы для новогодней Гофманиады. Умница Мотя договорилась с театром! Дылде Сильве всегда было трудно подобрать наряд, но тут повезло — платье малинового бархата село как влитое. Подошла к зеркалу, застегнула бронзовую пуговицу на воротничке. Скривилась: короткая стрижка и пирсинг-банан в брови не для девицы девятнадцатого века. Да ладно, никто не заметит! В куче театральной обуви не нашлось её сорокового размера, и она осталась в своих гриндерах². Отложила для себя и Моти шубки с муфтами.

Хорошо! Её накрыл драйв предстоящего действия.

Тут и народ стал собираться. Библиотекари и волонтеры шумели, разбирая костюмы и повторяя реплики. Зрители заполняли зал. Режиссёр собрал самодеятельных актёров в круг, все взялись за руки, дружно крикнули: «Гофман зовёт!» — и занавес пополз вверх.

Сильва натянула шубку и приготовилась выйти на сцену. Тут пискнул смартфон. Сигнал навигатора на ошейнике Кузи пропал у форта №7 на набережной Преголи.

Это старая заброска... Кузя провалится, попадёт под завал, погибнет... Я останусь совершенно одна в мои двадцать четыре.

И Сильва, наплевав на перформанс, который сама готовила, подхватила длинный подол и ринулась вниз по лестнице. Через полчаса она была у форта, где по легенде обитает привидение Гольштейнского герцога. Стальная дверь входа заварена. Сильва нашла дыру в кирпичной стене и протиснулась внутрь. Она оказалась над провалом и поставила ногу на хлипкий настил. Доска под ней провернулась. Сильва грохнулась вниз и потеряла сознание.

Кёнигсберг, Рождество 1799 года

Сильва очнулась. Она лежала ничком на мокрой брусчатке. Перевернулась на спину, поправила очки. В небе тусклый шар — лунное гало. Фонарь — старинный газовый рожок. Вспомнила, как удрала со спектакля под крик режиссёра: «Артистка Шапокляк, вернитесь в массовку!»

Из темноты проступили остроконечные крыши. Из труб валил густой дым, как на старинных фото.

Сколько я тут валяюсь?

Она оперлась на руки, помогая себе подняться. Вдохнула — угольная гарь, и сразу закашлялась.

Кха-кха отозвались стены домов — и вновь тишина.

И тут послышался глухой, низкий гул, потом нарастающее шуршание: ближе, ближе — и на Сильву обрушились колючие вихри песка. Песчинки хлестали по лицу, забивали рот и ослепили бы, если бы не очки с толстыми линзами. Словно её сунули в барабан для полировки янтаря — такие она видела на экскурсии. Сильва скрючилась и прикрыла голову муфтой. И тут сквозь гул ветра и сухой шорох песка раздался плотоядный хохот. Перед ней за кромкой песчаного вихря кривлялся карлик в старинном камзоле. Из-под его треуголки торчали три жёсткие косички.

— Вот ты и попалась. Не уйдёшь от расплаты, не сотрёшь с великих страниц историю моей жизни!

¹ Фурка — платформа на колёсах, которую используют для перемещения по сцене элементов декораций или костюмов.

² Гриндера — массивные ботинки с толстой подошвой и усиленным носком бренда Grinders.

— Я... я не хочу никому портить жизнь... я... за котом... он сюда убежал.

— Даже врешь неумело! Явилась сюда восстанавливать справедливость. Ты, мерзкая Клякса Гофмана, хранительница пыльных книг.

— Как... вы знаете, кто я?

— Я Крошка Цахес — Генрих фон Циннобер. Я знаю всё! Ты враг, непрощенная гостья из будущего. Я уничтожу тебя!

Он взмахнул крошечными ручками в перчатках:

— Песочник, верный мой пёс! Поддай побольше песка! Это песок забвения: он сводит с ума! Ишь, что выдумала — историю вспять повернуть. Погибнешь и вернёшься тенью в свою библиотеку!

Сильва кинулась наутёк. Проскочила площадь и нырнула в переулок. Из тёмных окон старинных домов ей грозили горожанки в чепцах и их толстые мужья-бюргеры. Цахес с Песочником отстали, но вихри песка шуршали, словно все коты старого города шипели ей вслед. Сил у Сильвы становилось всё меньше. Она остановилась от боли в боку, её вырвало. Утёрлась муфтой, сделала шаг вперёд и уткнулась в шерстяную подушку. Огромный рыжий котяра! Он даже не поморщился, почёсывая за ухом гусиным пером:

— Мяу-мяу, привет тебе, смертная из вихря будущего! Я — Мурр, мастер кошачьей философии, пишу мемуары гения.

— Я Сильва Шапокляк, а вы мой идеал кота, — обрадовалась беглянка.

— Что привело тебя в Кёнигсберг в канун нового, девятнадцатого века?

— Я ищу своего кота Кузю.

Появился запыхавшийся Крошка Цахес, над ним вился Песочник:

— Она моя! Уничтожу!

Мурр загородил Сильву.

— Пшёл прочь, уродец с косичками-рогами. Твои штучки не пройдут. Я — самый самодовольный из всех самодовольных котов от Кёнигсберга до Данцига!

Мурр шипел и так грозно взбивал воздух лапами с длинными когтями, что Песочник весь осел песком на мостовую, а Крошка Цахес отступил на шаг:

— Твоё самодовольство туманит твои мозги! Она опасна!

— Убирайся, Цахес. Она лишь блеклая моль, хранительница пыльных книг. Обидела своего кота, а теперь ищет!

— Я не...

— И не признается! Сказать такое прямо в глаза... Мне приятно, что я твой идеал, но это было жестоко.

Сильва хлопнула себя по лбу:

— Я идиотка... бедный Кузя. Мурр, помогите найти его.

Мурр хотел кивнуть, но вдруг насторожился и оглянулся: над дальними крышами разгоралось зарево пожара.

— Нам туда.

Мурр потащил Сильву в проулок, а Цахес остался стоять над кучей золотого песка, бесильно потрясая ручонками и обещая отомстить.

Сильва с Мурром выскочили на площадь. Полыхало здание с колоннами, знакомое ей по старым гравюрам. Сильва тут же позабыла про Кузю.

— Мурр, это... городской театр... Гофман... он делал декорации.

— Да, к балету «Аполлон и Дафна».

Дым застилал глаза. Всюду бегали люди с вёдрами, слышались крики, и звонил колокол конной пожарной команды. Перед театром толпа сердитых людей в греческих тогах окружила растерянного юношу с растрёпанными волосами. Толстяк в лавровом венке яростно кричал ему прямо в лицо:

— Эрнст, растяпа, твои масляные лампы подожгли рампу!

Сильву осенило:

— Это Гофман. Он в беде.

Сильва и Мурр бросились на помощь. Они хотели растолкать гневную толпу, но обидчики и сами остыли. Толстяк стянул венок с головы, и актёры погорелого театра поплелись через площадь.

Сильва робко заговорила:

— Вы ведь Эрнст Теодор Амадеус Гофман? Великий сказочник...

— Кто вы, фройляйн? Какая злая шутка. Я Эрнст Теодор, но не Амадеус, а Вильгельм. Не сказочник, а недоучка студент. Какой огромный кот с вами!

— Это Сильва, гостя из будущего. А я Мурр, ваша фантазия.

— Стриженная гостя из будущего... говорящий кот... сегодня я ничему не удивляюсь. Вы прилетели из моих снов. Знайте — я не виноват. Лампы были исправны. Я заправил в них первоклассное рапсовое масло.

На площадь въехала крытая коляска с гербом полицмейстера. Из неё вылезли трое и направились к ним, цепляясь шпагами и мешая друг другу. Появились газетчики с блокнотами.

— Это за мной. Умоляю, перо и бумагу, — обратился Эрнст к Мурру.

Получив желаемое, он присел на ступеньку и быстро написал несколько строк. Мурр почтительно держал чернильницу, не обращая внимания на чёрные брызги, которые летели ему на усы. Полицейские окружили Эрнста. Полицмейстер, обращаясь больше к представителям прессы, чем к обвиняемому, объявил:

— Студент права Эрнст Теодор Вильгельм Гофман обвиняется в поджоге королевского Кёнигсбергского театра и подлежит немедленному взятию под стражу.

Газетчики задавали вопросы представителям власти и черкали карандашами в блокнотах, даже не глядя на поникшего студента.

Эрнст сложил записку и незаметно отдал её Сильве:

— Умоляю, отнесите моей невесте, Минне Дёрфер в особняк на Юнкерштрассе. Убедите её, что я не виновен.

Полицейские связали арестованного и поволокли в коляску, не обращая внимания на его жалобные крики.

Ошарашенная несправедливостью, Сильва присела на ступеньку, где недавно сидел её кумир, нашла и размазала свежую кляксу. Мурр задумчиво обтирал перо о шерсть на пузе.

— Мурр, как ему помочь?

— Не знаю... Невесту записка не убедит — газеты выйдут к утру.

Тем временем пожарная команда потушила огонь струями из брандспойта и уехала. Зеваки разошлись и площадь опустела. Сильва и Мурр переглянулись, и, не сговариваясь, побежали к сгоревшим дверям театра и пробрались внутрь. Они поднялись по скользкой от воды закопчённой мраморной лестнице, вошли в зал и по проходу двинулись к сцене. Обугленные кресла партера, обрушенные перила лож, осколки хрустальной люстры под ногами и чёрные лохмотья занавеса. Рампа сцены утыкана чёрными пеньками сгоревших масляных ламп. Кот обошёл каждую, тщательно принюхиваясь, и самодовольно сообщил:

— Гофман не врал, это подгоревшее рапсовое масло. Но, кажется, пожар начался не здесь.

— А как узнать где?

— Я так много читал газет, что должен знать, как вести расследование... Ах да! Надо определить первичный источник возгорания и найти следы поджога.

Мурр огляделся и пошёл вглубь сцены вдоль чёрной полосы обугливания на боковой стене: следы гари образовывали конус, выходящий из правой кулисы. Как только Мурр ступил

туда, вниз обрушился кусок декорации. Он приподнял ткань и увидел обгоревшую глиняную амфору среднего размера. Её узкое горлышко треснуло и отвалилось от жара.

— В таких продают китовый жир.

Вокруг амфоры пол выгорел так сильно, будто огонь сначала полыхнул здесь, а уже потом ушёл на декорации.

— Сильва, поищи в кулисах обугленные масляные лампы.

— Не вижу!

— Значит, неоткуда было прилететь случайной искре. Я почти уверен, что здесь первоначальный очаг пожара.

Сильва подняла амфору и протянула её Мурру. Кот тщательно обнюхал ёмкость. Потом встал на четыре лапы и обнюхал пятно выгорания. Он торжествующе взглянул на Сильву и хотел что-то сказать, но его прервали. В театр нагрянули полицейские сыскного отдела. Сильва незаметно прикрыла амфору полрой шубки, и друзья сбежали.

Мурр привёл её в трактир «У Розы». Пьяные матросы, студенты со шпагами, кучера почтовых экипажей, женщины в грязных передниках — хлебали пиво и чавкали колбасками. Сильве принесли пиво — янтарный лагер — терпкий живой вкус. Мурр поднёс свечу к обожжённому боку амфоры и показал едва видный вензель К&А, прописанный чёрным керамическим пигментом.

— Это клеймо Кройц-аптеки, самой дорогой в городе.

— Ну и что?

— Я не успел сказать тебе, что и эта канистра, и пол вокруг неё провоняли подгоревшим китовым жиром. Не ламповым маслом! Я учуял его по едкому затхлому запаху.

Сильва принялась и уловила слабую животную вонь.

— В амфоре был китовый жир, купленный в Кройц-аптеке!

— Верно, Сильва! Получается, что кто-то разлил китовый жир, бросил амфору, поджёг и скрылся.

— Бежим, надо узнать в аптеке, кто купил китовый жир!

Сильва отставила тарелку с недоеденными сосисками и потянула Мурра к выходу.

Кройц-аптека оказалась за углом. Она была ещё открыта — внутри на подоконнике горела лампа. Сильва толкнула дубовую дверь, и друзья оказались в царстве аптечных запахов.

— Фройляйн, с котом нельзя, с кошками нельзя, — замахал руками аптекарь в чистейшем фартуке, и кот шмыгнул за дверь.

— Простите, я лишь хочу спросить, узнаете ли вы эту амфору?

Аптекарь брезгливо взял закопчённый сосуд, повертел и указал на незаметную семёрку, процарапанную на ручке:

— Это продано семье Дёрфер. Их конюх купил вчера китовый жир. Где вы это нашли?

Не ответив, Сильва выхватила амфору из рук аптекаря и выскочила на улицу.

— Мурр, в биографии Гофмана написано, что его помолвка с Минной расстроилась. Он навсегда уехал из города и никогда уже не был счастлив. Я не могу этого допустить. Теперь я знаю, что родственники Минны подстроили пожар, чтобы разлучить влюблённых.

— О романтическая гостья из будущего! Судьбу не изменить. Судя по тому, что я знаю и читал о любви, это, собственно говоря, род психического недуга, который у человеческой породы выражается в особых припадках безумия.

— Мурр, давай проберёмся в дом к Минне. Мы расскажем ей о коварстве родных, и она не покинет Гофмана. И записку надо передать.

И тут их накрыли горячие волны песка и злобные крики Крошки Цахеса, выскочившего из проулка:

— Убирайся восвояси, мерзкая фройляйн! Ничего не надо менять! Ты не понимаешь, с чем играешь!

Но библиотекарьшу было не остановить: она боролась за справедливость и счастье человека, которого боготворила.

Глубокой ночью Сильва с Мурром подошли к воротам дома с гербом Дёрферов. Кот пробрался в сад и в окне второго этажа увидел силуэт девушки. На подоконнике горела свеча, и было видно, что девушка плачет. Кот залез на дерево и с ветки, которая касалась окна, стал царапать стекло. Девушка встрепенулась, словно ждала сигнала, отворила окно, и кот бросил ей записку и сказал, что у него есть важная новость. Девушка развернула послание, прочитала и вытерла слёзы:

— Ну конечно, мой любимый — настоящий волшебник и коты его говорящие. Я сейчас!

Минна вышла, пригласила их в дом, и они поднялись в её спальню. Нужно было дожждаться рассвета, чтобы идти в полицейский участок.

Утром Минна спустилась в столовую, где завтракало почтенное семейство тайного советника Дёрфера. Она подошла к сервировочному столу, отодвинула блюдо с омлетами и водрузила на крахмальную скатерть грязную амфору. Комната наполнилась смрадом подгоревшего китового жира.

— Ни слова более, все всё и так знают, — чётко произнесла Минна в ответ на возмущение дядюшки, — я внесу залог, освобожу Эрнста, и мы обвенчаемся.

Фройляйн Минна Дёрфер вошла в полицейский участок, крепко сжимая шнурок кожного мешочка со всеми своими девичьими драгоценностями. Бедняжка не знала, что у полиции не было причин на дальнейшее задержание Эрнста. Сотрудники сыска не нашли доказательств, что первичный источник пожара — масляные лампы рампы, за которые отвечал декоратор. Надо было его выпускать. Обер-полицмейстер выслушал рассказ Минны об их неземной любви, незаметно переместил содержимое мешочка в ящик своего служебного стола и приказал отпустить задержанного.

Заплаканная Минна обняла Эрнста, который никак не мог прийти в себя, и горячо зашептала, что готова сейчас же идти с ним под венец.

— А ненависть дяди? Я изгой и преступник в глазах уважаемого Кёнигсберга.

— Твои друзья доказали, что ты невиновен. Пастор твоей родной Бургкирхе ждёт нас.

Эрнст обернулся к Сильве и Мурру, которые вежливо стояли в сторонке:

— Не окажете ли мне честь, став свидетелями на моём венчании?

Под сводами реформаторской церкви над Замковым прудом зазвучал орган, заглушая злобные крики Цахеса и удары зарядов песка в стрельчатые окна.

Счастливые молодые вышли из кирхи. На башне зазвонил колокол. С каждым его ударом из сердца женатого Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана медленно уходили безумные образы его снов, а ноги наливались бюргерской тяжестью.

Крошка Цахес с Песочником никого больше не беспокоили. Кот Мурр истончался, как снеговик под лучами солнца, столь редкого в зимнем Кёнигсберге.

— Мурр, не покидай меня! — заплакала Сильва.

Ей слабо отозвалось:

— Не путайте времена, фройляйн. У каждого кота — своё столетие.

Она вздрогнула от тёплого прикосновения к ногам — это был её Кузя. Сильва взяла Кузю на руки и обратилась к сказочнику:

— Герр Гофман, не сообразовали ли вы помочь нам вернуться домой?

— Милая фройляйн из будущего... я теряю мечты и фантазии... Вспомнил! Портал времён откроется с минуты на минуту под аркой форта Герцога. Не медли!

Сильва прижала Кузю и побежала к набережной Преголи.

Старинный город растворялся на глазах. Её тяжёлые ботинки буксовали на брусчатке. Из арки форта вырывались клубы песка. Кузя скользнул из её рук и исчез в золотом вихре. Сильва прыгнула вслед, и её внесло в яркий тоннель.

Калининград, канун нового, 2026 года

Сильва лежала на куче песка. Тот же провал. Доска, перевёрнутая набок. Телефон мигнул: «Сигнал восстановлен». Точка — рядом. И тут знакомое мурр... мурр. О ноги трётся Кузя. Вернулся! Сильва взяла его на руки:

— Никаких гусиных перьев. Никакого самодовольства. Никаких мемуаров. Мой милый Кузя, прости меня.

Она уткнулась лицом в его шерсть и замерла. Запах... Едва уловимый, сладковато-едкий... старый китовый жир...

Сильва опомнилась:

— Перформанс! Моя реплика! Бежим, Кузя!

В вестибюле библиотеки было тихо. Старик вахтёр удивился, увидев сотрудницу в странном одеянии с котом в руках, которая влетела в библиотеку и помчалась в актовый зал.

— Новый год... незачем так носиться...

— Боюсь пропустить свой выход...

В актовом зале пустота, запах нафталина, кресла накрыты пыльным холстом.

— Опоздала, подвела...

Сильва спустила Кузю с рук и прошла знакомым коридором в свой кабинет. Табличка «Фонд Гофмана» исчезла, а на полках нет его книг.

Сильва подошла к вахтёру, она вспомнила, что он тоже фанат Гофмана:

— А что, Гофманиада закончилась?

— Странное говоришь...

— Перформанс, о нашем земляке-сказочнике Эрнсте Гофмане...

— Никогда не слышал это имя... А в библиотеке я всю жизнь.

Сильва набрала номер подруги:

— Мотя! А что с Гофманиадой?

— Ты о чём? Сегодня наш новогодний корпоратив в баре «У Розы».

— Мотя!!! Гофман! Эрнст Теодор Амадей.

— Странное имя... Никогда не слышала. Не дури. Давай к нам.

Сильва открыла поисковик: «Э. Т. В. Гофман — малоизвестный композитор XIX века, написал оперу „Ундина“, партитура сгорела».

Кузя замурлыкал, и ей почудилось: «Не путай времена, фройляйн...»

14 июля 2026

Леся Сиргиенко. **ЛИС, КОТОРЫЙ ЖИЛ СРЕДИ КНИГ**

Анна не сразу поняла, что увидела раньше: рыжий хвост или неизвестный иероглиф. Наверное, всё-таки хвост. Рыжая кисточка мелькнула между рядами аудитории и исчезла. Она будто дразнила: «Ну же, догоняй!» Сбежавший кот? Анна даже подалась вперёд. Но когда моргнула, хвост исчез. Анна перевела взгляд на экран.

На слайде светился иероглиф. Анна его знала. Он встречался ей десятки раз. Анна взяла остро заточенный карандаш и быстро вывела иероглиф на полях дипломной работы. Иногда это помогало: рука помнила то, что забыла голова. Анна посмотрела на написанное. Что-то было не так. Анна нарисовала другой иероглиф. Потом ещё один. Вспомнить, что они обозначали, не получилось. И зачем-то прежде чем подумать, что сейчас, перед защитой диплома, самое время перестать себя накручивать, она провела пальцем по иероглифу.

Он исчез.

— Где он?! — вырвалось у неё.

На неё покосились. Наверняка решили, что у неё сдали нервы. А она сама не понимала, что с ней. В последнее время с ней происходило что-то необъяснимое. Иногда вдруг вспоминались события, которых не было. Зато один за другим исчезали иероглифы, которые ещё недавно она знала наизусть. А сейчас пропал знак, который она вывела на бумаге секунду назад!

Завтра её ждал врач, четвёртый за месяц. Все прежние уверяли: причин для тревоги нет. Но Анна-то знала: что-то происходит. В голове словно поселился невидимый вредитель и пожирал её память.

Дверь аудитории открылась. На пороге появился седой китаец в сером костюме. Странно, но на него никто не обратил внимание. Старик направился не к комиссии, а сел рядом с Анной и негромко произнёс:

— Какой необычный сегодня день.

Его слова будто плыли по течению большой реки.

— Для меня вполне обычный, — ответила Анна и нахмурилась. — Если не считать диплома.

Китаец покачал головой.

— Вы ошибаетесь. День необычный. Особенно для вас.

— Почему же?

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Скажите, Анна... Сколько врачей уже объяснили вам, что вы совершенно здоровы?

У Анны дрогнуло сердце.

— Простите?

— Завтра очередной скажет то же самое.

— Кто вы?

— Я тот, кто ждал этой встречи шестьдесят лет.

Старик достал из кармана конверт из плотной рисовой бумаги и положил его перед Анной. На конверте темнела печать в виде красной лисицы. Её хвост едва заметно шевельнулся.

— Идите защищайте диплом и ничего не бойтесь. Для тревоги у вас скоро появятся более серьёзные причины.

— Какие? — едва дыша, прошептала Анна.

— Видите ли, — в уголках губ старика мелькнула загадочная улыбка, — идеально сошлось всё: вечерний разговор, мокрый асфальт у вашего подъезда, ускользающая тень и человек, которого вы ждёте всю жизнь, сами того не зная.

Солнце нагревало стены старого корпуса. Тополинный пух кружился под потолком, и Анне вдруг почудилось, что это вовсе не пух, а пепел старых книг.

Домой Анна вернулась в сумерках. Первым делом насыпала Мандарину корм. Рыжий мейн-кун поел и с видом императора устроился на подоконнике, прямо на раскрытом конспекте.

Анна достала маленький фарфоровый чайник и тоненькую белую чашку. Из жестяной банки вынула несколько плоских листьев лунцизна. Обдала чайник кипятком и подождала, пока фарфор прогреется. Пересыпала листья в чайник, вдохнула сладковатый аромат каштана и молодой травы. Лишь после этого медленно налила воду. Первая заварка получилась почти прозрачной.

Она поставила чашку рядом с собой и включила телевизор.

— ...учёные установили, что воспоминания не хранятся в одном участке мозга, — говорили в телепрограмме. — Каждый раз, вспоминая событие, человек фактически восстанавливает его заново.

На экране вспыхивали и гасли изображения нейронов.

Анна сделала глоток.

Чай успел раскрыться. Лёгкая терпкость сменилась мягкой сладостью. Она опустила взгляд на конспект. Некоторые иероглифы будто написал другой человек.

Диктор же рассказывал:

— По мнению некоторых исследователей, похожим образом со временем меняется и коллективная память обществ.

Анна выключила звук и несколько секунд сидела неподвижно, пока не раздался звонок в дверь.

На пороге стоял курьер с небольшой картонной коробкой. Анна совсем забыла, что перенесла доставку из книжного магазина на такое позднее время. Расписавшись, она поставила коробку в прихожей. Этих несколько секунд Мандарину оказалось достаточно. Рыжей молнией он проскользнул между её ног и вылетел на лестничную площадку.

— Мандарин!

Внизу хлопнула подъездная дверь.

Анна выбежала на улицу. Хлестал дождь. Она едва не поскользнулась в шлёпанцах на скользком асфальте прямо у подъезда. Кот понёсся с освещённой дорожки на узкую тропинку, ведущую к старой лодочной станции, и легко проскользнул между прутьями покосившегося ограждения на причал. Анна остановилась.

В темноте золотом вспыхнули кошачьи глаза, и Анне показалось, что мейн-кун не убежал, а дожидался её. Потом его силуэт качнулся и исчез. Анна шагнула вперёд.

Старый причал под её весом заскрипел. Он уже весь перекосился, настилы прогнили, под ним плескалась тёмная вода. Даже днём это место не вызывало доверия, а Анна стояла тут ночью! Она схватила и прижала к груди Мандарина.

— Девушка! Туда нельзя! — раздался вдруг голос.

Сторож в дождевике отчаянно крутил педали велосипеда. Анна обернулась, и настил с треском ушёл из-под её ног, и мир перевернулся. Из чёрной воды дохнуло речным илом. Огни набережной поплыли над головой. Вода стала небом. Под пальцами мягкая шерсть кота стала грубой, почти жёсткой.

Отчаянный крик сторожа оборвался.

Когда Анна открыла глаза, то первым делом почувствовала запахи: влажной земли, навоза, рисовой соломы и ещё приторный, напоминавший запах переспелых груш. Анна медленно поднялась. По обеим сторонам пыльной улицы стояли низкие дома из серого кирпича. Во дворах сушилось бельё. У забора лениво жевал траву буйвол с кольцом в носу. На стене ближайшего дома, по фотографиям в учебнике напоминающем школу, атели огромные иероглифы: «Да здравствует Великая пролетарская культурная революция!»

Из репродуктора, прибитого к деревянному столбу, захрипел голос:

— Под руководством великого председателя Мао...

У Анны похолодели пальцы. Всё это было ей знакомо по университетским учебникам, пожелтевшим репродукциям и лекциям по истории Китая. Вот только учебники не пахли рисовой шелухой и переспелыми грушами.

По улице прошла группа юношей с красными повязками на руках. Один нёс портрет Мао Цзэдуна. Другой тащил стопку книг. Третий бил деревянной палкой по дну эмалированного таза, словно созывал людей на праздник.

Но праздником здесь и не пахло. Во дворе школы громоздилась гора книг. Юноша швырнул на неё свою стопку, и страницы жалобно распахнулись.

Анна поймала себя на том, что перестала дышать, и заставила себя сделать глубокий вдох. В этот момент среди ног собравшихся мелькнули знакомые золотые глаза. Сердце Анны ёкнуло. Только теперь это был уже не кот. Лис Мандарин скользнул за угол школы и исчез. Анна хотела броситься следом, но заметила мальчишку лет семи — он подхватил с земли потрёпанную книжицу и спрятал её за пазуху. Через секунду его за плечо схватила женщина.

— Контрреволюционер! — прозвучал выкрик, как удар хлыста.

Двор затих. Мальчик побледнел и выронил книгу. Худая, прямая, с тяжёлым взглядом на плоском, как луна, лице (на таком лице улыбка выглядела бы смертоносным оружием), женщина с красной повязкой подняла книгу двумя пальцами, словно дохлую мышь. Внимательно оглядела собравшихся и, похоже, осталась довольна произведённым эффектом.

— Он хотел украсть запрещённую книгу, — прошипела она.

Люди загудели. Мальчик дёрнулся, пытаясь вырваться, и встретился взглядом с Анной. В его глазах светился ужас и детская обида.

— Отпустите его! — крикнула Анна по-китайски. И испугалась своего голоса.

Женщина медленно повернула голову, взглядом скользнула по лицу Анны, каштановым волосам, одежде, обуви.

— Ты его знаешь?

Анна открыла рот и поняла, что ответа у неё нет. Не говорить же: «Я из две тысячи двадцать шестого года, упала в Амур и случайно оказалась в вашей деревне».

— Да.

— Кем ему приходишься?

Мальчик шагнул к Анне, будто она — единственный сухой островок безопасности посреди наводнения.

— Я его новая учительница. По обмену.

Во дворе стало совсем тихо. Женщина перевела взгляд с мальчика на Анну, потом на книгу. И улыбнулась.

— Какая удача! Значит, перевоспитывать будем сразу двоих.

Послышались редкие смешки. Женщина едва заметно шевельнула пальцами, и двое юношей вышли из толпы вперёд.

— Возьмите их! — приказала им женщина.

Анна огляделась.

Справа — гора книг. Слева — телега с мешками рисовой шелухи. Позади лениво пережёвывал жвачку буйвол. У ног одного из юношей валялся эмалированный таз.

Решение пришло само. Анна подскочила к тазу, схватила палку и ударила изо всех сил.
БАМ!

Звук раскатился над двором.

БАМ! БАМ!

Буйвол дёрнул ушами, мотнул головой. На третьем ударе он заревел и рванул вперёд, вырвав из земли колышек, к которому был привязан за верёвку.

Толпа шарахнулась врассыпную, телега перевернулась, мешки лопнули, и в воздух взметнулось белёсое облако рисовой пыли.

— Бежим! — крикнула Анна и схватила мальчика за руку.

Они через мучнистую мглу со всех ног понеслись по переулкам. Мальчик оказался очень быстрым и ловким, и Анна за ним едва поспевала. Он сворачивал в проходы между дворами, перепрыгивал канавы, проскальзывал в узкие проходы. Когда перед беглецами появилась глинобитная стена, он остановился.

— Всё?! — спросила Анна.

Её сердце колотилось так, будто сама душа рвалась вон из груди.

Мальчик присел, откинул охапку сухого тростника, и в стене открылся узкий лаз.

— Быстрее! — поторопил мальчик.

И прошмыгнул в лаз. Анна влезла за ним, и мальчик тут же закрыл за собой дыру снаружи тростником.

Кто-то пробежал совсем рядом. Анна прижала ладони ко рту.

Мальчик настороженно смотрел на неё:

— Почему вы мне помогли?

— Я не могла допустить, чтобы ребёнка наказали из-за книги.

Мальчик прислушался к шуму снаружи, потом тихо спросил:

— Вы умеете читать?

— Конечно.

— И по-китайски?

— Да.

Мальчик вынул из-за пазухи книгу.

— Это книга моего папы. Последняя. Остальные сожгли.

Анна осторожно взяла её. Текст был рукописным.

— «Лунь Юй», — прочитала Анна.

Мальчик поднял глаза.

— Вы знаете эту книгу? — кивнул на книгу.

— Конечно. Нам рассказывали, что она чудом уцелела после пожара...

Анна осеклась... Мальчик смотрел на неё, не мигая. Потом решительно сказал:

— Пойдёмте.

Теперь Анна могла оглядеться.

Перед ними стоял заброшенный дворец, почерневший от сырости и времени. В его пустых окнах-провалах, стенах, заросших настолько, что за листвой едва угадывался камень, было что-то такое, что наводило на мысль: если бы существовал музей воспоминаний, то он располагался бы именно здесь.

— Это твой дом?

— Нет. Это место, куда Пепельная Госпожа ещё не добралась.

— Пепельная Госпожа?

Мальчик понизил голос:

— Так называл её папа. Говорил, что она боится книг, поэтому сжигает их.

Анна машинально коснулась виска. В её памяти кто-то тоже методично разводил костры.

За тяжёлой дверью открылся просторный зал. Красные колонны подпирали высокий потолок, расписанный золотыми облаками. В центре располагалась лестница с белыми мраморными перилами. По стенам тянулись древние росписи: среди облаков плыли драконы, белые журавли парили над соснами, придворный астроном всматривался в созвездия, монахи несли книги через горный перевал. В углу, почти скрытый тенью, был изображён девятихвостый лис. Лукавая ухмылка на его морде — точь-в-точь как у Мандарина.

Лестница привела Анну и мальчика в огромное помещение. Здесь от пола до потолка, ярус за ярусом, всё место занимали книжные стеллажи, соединённые лестницами и мостиками. Вся эта громадина напоминала улей, только соты были наполнены не мёдом, а книгами, свёртками, дощечками и связками пожелтевшей бумаги. В глазах Анны это место выглядело как сердце огромной тайны, как государство в государстве, как скрытая от мира цивилизация, о существовании которой внешний мир даже не догадывается.

У неё перехватило дыхание.

— Это невозможно...

— Почему? Это же волшебная библиотека.

— Волшебная?

— В каждой книге живёт душа того, о ком она написана. Папа сказал, что когда-нибудь я стану хранителем библиотеки. Но папа пропал, и я не знаю, что мне делать.

Анна впервые посмотрела на мальчика по-настоящему внимательно. Перед ней стоял ребёнок, которому доверили огромную тайну. До этой минуты он был лишь частью её невероятного то ли сна, то ли бреда.

— Как тебя зовут? — спросила Анна.

— Цао.

— Сколько тебе лет?

— Почти девять.

— А где твоя мама?

— Её забрали на рисовые поля.

Анна кивнула. В горле стало тесно.

— Папа однажды сказал, что рыжий дух библиотеки мне поможет.

— Так вот кто он... — прошептала Анна. — Дух...

— А прикоснитесь к любой книге, — вдруг оживился Цао. — И мы всё увидим.

Анна подошла к ближайшему стеллажу и провела пальцами по корешку книги. Воздух вздрогнул, и из него возник старик в круглых очках. Он сидел за низким столом и выводил на дощечке иероглифы. Видение быстро растаяло.

— Вы увидели! — обрадовался Цао. — Библиотека приняла вас! Значит, вы научите меня читать!

— Цао, боюсь тебя разочаровать, но китайский язык — не сильная моя сторона.

— Пожалуйста...

И Цао протянул Анне книгу, которую спас.

Что-то в его голосе заставило Анну взять её. Она знала: внутри древний текст. Многие знаки безвозвратно исчезли из её памяти, а другие она, возможно, никогда и не знала. Анна была уверена, что ничем не сможет помочь маленькому хранителю бесценного сокровища.

Однако стоило взглянуть на первую строку, как сердце Анны гулко ударилось в груди. Смысл иероглифов раскрылся сам собой.

Цао смотрел на Анну широко раскрытыми глазами.

— Любопытно, — произнёс ленивый голос сверху. — А я уже начал подозревать, что библиотека ошиблась.

Слегка испугавшись, Анна вскинула голову и заметила рыжего лиса, притаившегося на верхней полке между книг. Того самого, который ещё недавно притворялся её питомцем. Золотые глаза смотрели насмешливо и внимательно, словно это не он, а Анна тут была самым занятым существом.

— Мандарин?

— Предпочитаю «древний дух», но можешь называть меня как привыкла.

— Ты разговариваешь?

— Иногда. — Лис легко соскользнул с полки. Цао почтительно отступил. Лис сел, обернув лапы хвостом. — Итак, учительница, добро пожаловать.

— Я не учительница.

— Тогда зачем библиотека привела тебя сюда?

— Я сама сюда попала.

— Правда? — Лис слегка наклонил голову. — Ты уверена, что сама?

— Если честно, я уже ни в чём не уверена. Особенно в своей памяти...

Лис прищурился.

— Вот это уже интереснее.

— Что в болезни может быть интересного? — разозлилась Анна. — В моей голове всё перемешалось!

— Болезнь не дарит человеку чужие воспоминания.

— Тогда что со мной? Как назвать моё появление здесь? Я в Китае, в момент культурной революции. И я разговариваю с животным!

— И до сих пор думаешь, что теряешь память..

— Конечно.

— Если бы это было так, портал бы тебя сюда не перенёс.

— Портал?

— Угу.

— Но почему я?

— Когда библиотека начала исчезать, она стала искать человека, который смог бы её услышать. Все эти годы она рассказывала свои истории тебе.

И вдруг память словно приоткрыла дверь, и Анна вспомнила незнакомые китайские улицы, запах рисовой соломы, лица людей, которых она никогда не встречала. Оказывается, всё то, что она считала необратимой болезнью, было памятью волшебной библиотеки.

— Твоя память всё это время находилась здесь. — Золотой взгляд духа стал серьёзным.

Анна не успела поразмышлять над этой мыслью, как Цао тронул её за рукав:

— Смотрите...

За высоким окном полыхал костёр. Люди с красными повязками на руках бросали в огонь книги. Страницы взмывали в воздух огненными птицами, но, не успев коснуться неба, рассыпались чёрным пеплом. Цао смотрел на это неподвижно, по его щекам текли слёзы.

— Папа говорил... когда погибнут книги... погибнет и наш мир.

Анна повернулась к лису:

— Это ужасно... — прошептала Анна.

— Забвение, — после недолгого молчания ответил лис. — Вот что страшно.

Под сводами библиотеки вспыхнули золотистые огоньки. Они плыли между стеллажами, словно смотрители, которые совершают обход своих владений.

— Смотри, — Анна вывела кистью один иероглиф. — Это значит гора.

Цао, высунув от усердия кончик языка, медленно повторил знак. Едва кисть оторвалась от бумаги, над ней поднялась крошечная синяя вершина, над которой поплыли облака размером с шапку одуванчика. По склону важно затрусила горная козочка.

Анна и Цао замерли, боясь шелохнуться. С верхней полки донеслось довольное фырканье.

И гора растаяла, как дымка.

— Ещё! — потребовал Цао.

— Нет уж! — рассмеялась Анна. — Если всё время смотреть на горы, то никогда не доберёшься до рек.

Она написала новый иероглиф. И по страницам между строчек побежал прозрачный ручей, словно те были руслом. В глубине воды мелькнули серебристые рыбки. Одна выпрыгнула наружу и шлёпнулась на колени Цао.

Следующим появился еще один иероглиф. Лис прикрыл один глаз, и из свитка медленно выползла тень. Она росла, обретая чешую, длинную шею и гибкое тело дракона. Казалось, он долго спал внутри иероглифа, и его наконец-то освободили, назвав по имени. Дракон был не больше лиса, но обладал таким достоинством, словно ему принадлежала половина Поднебесной. Сделав круг под потолком, дракон выпустил из ноздрей две струйки золотого дыма и опустился перед Цао.

Цао даже перестал дышать.

— Ты и его сделал?

— Разумеется, — ответил лис, когда дракон исчез. — Неужели ты полагаешь, что драконы сами выпрыгивают из книг?

Благодаря магии духа библиотеки каждая новая книга превращалась в настоящее представление. Со страниц взлетали птицы, которых люди уже давно не видели и успели забыть; полководцы с армиями устраивали торжественные марши. А сухонький учёный в круглых очках сердито постукивал по своей дощечке всякий раз, когда мальчик путался в чертах.

К удивлению Анны, Цао ошибался редко. Он не заучивал знаки, а старался понять их суть. В какой-то момент иероглифы перестали быть загадочными чертами и стали дверями, за которой скрывалась целая жизнь.

Дочитав последнюю фразу, Цао поднял голову.

— Учительница, эту книгу я прочитал сам.

И столько счастья было в его голосе, что у Анны защемило сердце.

А библиотека словно вздохнула, и золотые огоньки под куполом разом погасли.

Снаружи слышались чьи-то голоса.

— Боюсь, времени у нас почти не осталось, — сказал лис.

Анна подошла к окну. На улице метались отблески от факелов, а впереди толпы стояла женщина с красной повязкой и смотрела прямо на Анну.

— Вон она, — донёсся голос женщины. — Приведите её ко мне вместе с мальчишкой.

Анна обернулась к лису.

— И что теперь?

— Ты научила Цао главному, — спокойно ответил лис. — Остальному его научит библиотека.

— А как же учительница Анна? Она останется с нами?

— Учительница не должна жить в чужом времени.

Воздух вокруг дрогнул.

Стеллажи один за другим словно растворялись.

— Закрой глаза, — сказал лис. — И ничего не бойся. Однажды библиотека сама тебя найдёт.

Анна почувствовала запах речной воды. Где-то совсем рядом мяукнул Мандарин. Мир перевернулся, и Анна проснулась от солнечного луча, щекотавшего нос. Несколько секунд она лежала неподвижно и пыталась удержать ускользавший сон, но он растаял без следа.

У ног спал Мандарин. Он дёрнул ухом и сонно замурлыкал. Анна горько усмехнулась. Значит, ничего не было: ни волшебной библиотеки с духом-лисом, ни Цао, ни возвращения памяти.

Через час выпускной экзамен, который Анна, скорее всего, провалит. Потому что память в очередной раз её подведёт.

Сон окончательно рассеялся по дороге в университет.

Когда дверь аудитории открылась, Анна подняла глаза. На пороге стоял пожилой китаец в сером костюме. Он поздоровался с комиссией, подошёл к парте Анны и положил конверт из плотной рисовой бумаги. На сургучной печати краснела лисица.

— Вы не поверите, — сказал старик по-китайски, — я ждал этого момента шестьдесят лет.

Анна замерла.

— З-зачем?

Старик посмотрел на неё, словно нашёл давно потерянного друга:

— Чтобы убедиться, что вы благополучно вернулись домой.

Прежде чем она успела задать миллион вопросов, её вызвали на кафедру. Она поднялась и пошла, почти не чувствуя ног. И случилось что-то поистине невероятное: Анна помнила всё! Иероглифы больше не прятались, речь звучала легко и свободно.

Когда она с зачёткой, где красовалась оценка «отлично», вернулась на место, старика в аудитории уже не было. Только конверт лежал на её парте.

Внутри оказалась фотография: маленький Цао, Анна и рыжий лис на фоне стеллажей с книгами. Анна перевернула снимок и на обороте прочитала: «Спасибо моей учительнице Анне, которая показала, где живёт моя мечта. Всё остальное я сумел сделать сам. Ваш Цао».

Пётр Некрасов. РЫЖАЯ ВДОВА

— Слушал я тут, как вы, молодые, всё баб своих клянёте: влюбчива, мол, что кошка, а разозлится — так прямо ведьма! А сами не ведаете ведь, про что говорите.

Седобородый старик покуривал, присев на занозистый помост сломанного парома и насмешливо наблюдал за нами. Заметно было, что он истосковался по беседе.

— Отчего ж не знаем, дедушка? — лениво отозвался мой товарищ.

Старик затянулся в последний раз, придавил самокрутку сапогом и подошёл к нам. Доски заскрипели под ним.

— Потому, редкое это счастье — любовь кошачья. А про ведьмину злобу и вовсе мало кто рассказать может. Недолго живёт тот, кто любовь эдакую на ту злобу обменяет. Знавал я одного такого. Ничем вам не уступал. И плечист был и молод, и умишком Господь не обидел. А вот — разозлил и вместо свадебки в сырую землю лёг.

День случился жаркий. На середине реки перекликались мужики в лодках — тянули порванный паромный канат. Глядеть на их труды нам предстояло ещё часа два. И старик, как видно, твёрдо решил поведать свою басню.

— Как же эта ведьма парню отомстила? — спросил я, скорее из вежливости.

Старик прищурился и неспешно, с довольным видом начал:

— Это в ту пору случилось, когда завод стекольный только возвели. Платон Тимофеич Лядов, царствие ему небесное, родом из нашего села происходил. Сам-то из простых, но купец сделался честный, дельный. Со временем и дом в городе выстроил не хуже барского. Пока не богат был, удачлив слыл. А как дочь его любимая Ульяна подросла, так и пришла беда. Маменька её погибла в одночасье. Да по-глупому так.

Надумала купчиха Лядова из деревни дочке котёночка привезти, для забавы. Кучер ихний, Охрим, в бричку с собою сынишку прихватил. Игнатка хозяйской дочки старше года на три, так вроде братца старшего для Ульянки был. Зимой по реке на салазках катал.

Ну и упросил Гнат: можно, мол, батя, я тоже кошёнка в дом возьму? А что, жалко, что ли? Топить меньше.

Да только поездка несчастная вышла. Обод колёсный возьми да лопни у самого раската. Охрим сына с козел спихнул, сам соскочил, хотел экипаж удержать на краю, да не смог. Так и рухнули в обрыв: и бричка, и барыня, и кучер. Позднее мужики там ехали на телегах. Сидит на краю парнишка. Не плачет, только вниз глядит. А в руках котёнка рыжего держит, гладит.

Велико было горе. Поплакали Лядовы над женой и матерью. А мальчонку куда деть? — Охрим-то уже пять лет к тому времени вдовый ходил. Но Платон Тимофеич, надо должное ему отдать, сироту заботами не оставил. За собственные деньги отослал на учение. У Гната, вишь, с детских лет талант явился к рисованию, он и зверей, и птиц изобразить мог, да так точно. Платон Тимофеич справки навёл, отыскал в Петербурге монастырь, где сирот в учение берут, иконы малевать. Сам все расходы оплатил. Ульянка братца названного обняла и перекрестила, как взрослая. Так и уехал Гнат. И котёнка рыжего с собою увёз.

Семь лет прошло.

Лядов торговлю свою городскую оставил на приказчиков, сам в родное село подался. На месте старого дома выстроил эдакий терем с мезонином. Ульяна подросла, девицей стала, на выданье. А только тихая, скромная, даром что дочка богача. Всё дома у окна сидит, словно ждёт кого-то. Ну и дождалась.

Воротился Игнат из Петербурга. Науки иконописные, как слышали мы, превзошёл вполне и с отличием. Так и сказал, как приехал — мне, люди добрые, в Петербурге работу

справную предлагали. Мне там господа большого чина портреты парадные своих жён заказывали. А я сюда к вам вернулся. Я теперь не столичный художник, а деревенский богомаз. Хочу, чтобы церковь в родном селе на весь край знаменита красотой своею стала.

— Замолвите, — просит, — словечко за меня, Платон Тимофеич, перед священником нашим отцом Григорием.

Ульянка смотрит на него и глаз отвести не может. Уезжал-то в город паренёк конопатый да белобрысенький. А вернулся этакий добрый молодец, в плечах сажень, кудри пшеничные да взгляд смелый, открытый.

Значит — не зря ждала?

Платон Тимофеевич к тому времени, правду сказать, и водочку попивал. Скучно было в доме Лядовых, а Гнат, как приехал, вроде как озарил сельскую нашу жизнь. Отец Григорий его принял радушно и поселил в доме у дьячка Лесницкого. Старая-то хата, Охримова, семь лет простояла без хозяина и наполовину уже в овраг сползла.

На третий день, как устроился, явился Игнат в дом благодетелю своему. Уже как положено, с обстоятельным рассказом. Ульяна в углу на лавке сидит, на друга милого не наглядится. Как чай с баранками подавать стали, спросила первое, что в голову пришло:

— А где тот котёнок рыженький, Игнат? Всё у тебя живёт?

Парень, вроде как, глаза потупил. А потом и говорит с улыбкой:

— Кошкой тот зверь оказался. А кошка, сами поймите — не для холостяцкого дома тварь. Каждую весну котят в реке Неве топить, надо ли мне это? Отдал. В добрые руки сбыл, Ульяна Платоновна, не сомневайтесь.

Девке от этих его слов сердце тревогой кольнуло. Хотя — с чего бы, кажется?

Выделил отец Григорий молодому богомазу каморку в церковном притворе, для работы. Да пошутил, что хоть и не мансарда столичная, а пара окошек маленьких там есть. Кисти да краски у Гната с собой привезены, а за досками для икон Платон Лядов вызывался в город съездить. Как раз срок подошёл лавки городские проведать, бумаги проверить да счета. Приказчикам Платон доверял, а дел из рук не выпускал.

Как отбыл отец в город, Ульяна платочек накинула и в церковь пошла, вроде бы свечку за упокой маменьки поставить. А так, конечно, Игната повидать хотела. Постучала в каморку и спрашивает прямо:

— А что ты, Игнат, никогда не заходишь, когда папеньки дома нет?

Игнат стоит в дверях. Руки, краской измазанные, о фартук вытирает и говорит тихо:

— Вы, Ульяна Платоновна, купеческая дочка и богатая невеста теперь. А я кучерский сын, сирота, на деньги вашей же семьи ремесло приобрёл. Вот подождите маленько. Заработаю на собственный дом, тогда и ждите в гости с подарками настоящими.

— Так долго ведь ждать, Игнатушка! — только и сказала Ульяна. И обняла парня и поцеловала, не побоялась, что люди увидят.

— У меня руки нечисты, — только и выговорил Игнат. А сам стоит, улыбается.

А через неделю вернулся из города Платон Лядов. Да не один, а с барыней незнакомой.

— Это, — говорит он Ульяне: — Катерина Ивановна, вдова полковника гвардии Уварова, старого моего приятеля. У нас в городе случайно встретил и в гости к нам зазвал.

Вдова приятеля папенькиного лет на десять всего самой Ульяны старше. Собою недурна, глядит ласково, но взгляд у неё с зелёной искоркой. Платье столичное. Волосы под капором медью отливают.

А Платона Тимофеевича будто подменил кто. К обеду вышел в новом сюртуке, на все пуговицы застёгнутом. Плечи расправил, выпил только рюмку, может две. А шутил много, как раньше, когда маменька ещё жива была.

— Вот, — говорит, — Ульяну скоро замуж выдадим, и отдам я дочке с зятем под хозяйство свой городской дом. А сам уж тут бобылём поселюсь.

— Так и жених есть уже? — смеётся Катерина Ивановна.

— Ещё бы! Из самого Петербурга!

— Так отчего вы его, друг мой, к столу не пригласили?

— Что вы говорите, папенька? — шепчет Ульяна и краснеет.

А наутро к Игнату побежала, всё ему рассказала. Помрачнел парень.

— Это с Платоном Тимофеевичем годы шутики шутят. Скоро жить вам, Ульяна Тимофевна, с молодой мачехой. Вдового со вдовицей отчего не повенчать? Архимандриту прошение подадут, и через месяц, глядишь, и свадьба.

Ульяна молчит, только слёзы ручьями бегут.

— А сказывал ли вам когда батюшка про друга своего подполковника Уварова?

— Никогда...

— То-то и скверно.

Игнат упросил дьячка Лесницкого, что за лампадным маслом в город собирался, справки навести. Лесницкий в городе каждого знает. Живо выведал, что встретились Платон Тимофеевич с Екатериной Ивановной только третьего дня, в конторе у стряпчего. Случайно совсем...

Игнат про то Ульяне не сказал. А в воскресенье к Лядовым явился.

Екатерина Ивановна по правую руку от хозяина дома сидит и смотрит ласково, как будто сейчас благословить готова. Глаза зелёные в душу парню без спроса лезут.

— Вижу я, Платон Тимофеевич, — говорит вдова рыжая, — что Ульяне вашей с другом детства повезло. И статный, и воспитан хорошо. И талантом в столице известен.

— Откуда ж вам, Катерина Ивановна, знать про то? — спрашивает сухо Игнат.

— Да ведь слухом земля полнится. Разве не водили к вам в мастерскую сановники столичные дам и дочерей своих?

От этих слов у Ульяны вся кровь к лицу прилила. Но Игнат с ответом и нашёлся.

— Моя мастерская, Катерина Ивановна, — келья монастырская.

А наавтра, как снова в церкви встретились, прямо говорит он Ульяне:

— Рано ли, поздно ль — отравит она папеньку вашего, да и вас со свету сживёт. Я про таких наслышан. Отыщут пожилого да богатого, женят на себе да и оберут до нитки. Поняла она всё про нас с вами, Ульяна Платоновна. Ни к чему ей зять в доме, да ещё из простых. Вот увидите. Платон Тимофеич на неё через день после свадьбы духовную перепишет. Не бывать счастьем нашему.

— Что ж делать, Игнатушка? — спросила Ульяна мертвея. — Придумай. Я без тебя помру.

И надумал Игнат.

Уже поползли слухи по селу. Деревенские-то они рыжих не особо жалуют. Ведьма, мол, шепчут. Приехала незнамо откуда, задумала обольстить старика да дочь его наследства лишить.

Игнат так всё отцу Григорию и обрисовал. Вот кабы обвенчаться им с Ульяною тайно, чтобы папеньку не сердить, спокойнее было бы...

Священник задумался. Без благословения родителя венчать — худое дело. А только Екатерина Ивановна и правда доверия не вызывает. А ведь мельком глянешь — баба как баба. И приветлива, и весела, и всё при ней. А некоей подлостью веет от глаз её зелёных и локонов ржавых.

Две ночи не спал от этих раздумий отец Григорий. А на третье утро мёртвым его нашли в лесу за церковью. Четыре раны ножевые, горло перерублено.

Тут уж, ясное дело, загудело село. Господин исправник из города приезжал, и все показания давали. Про назначенное тайное венчание Игнат исправнику тогда не сказал и Ульяне запретил. Не утаил бы — может и жив остался бы...

Уехал исправник ни с чем. Точней — с догадкой, что проходил ночью мимо села нашего каторжник беглый. Игнат ходит мрачнее тучи. В доме Лядовых что дочь, что отец ночи не спят. И только гостья их рыжая похаживает, словно уже хозяйка. Шутит да песенки мурлыкает. Платон Тимофеевич её дочке в пример ставит. Сколько, мол, человеческого обаяния и здоровой живости может в женщине быть! Раньше Платон отродясь таких слов не говорил, а тут, вишь, на петербургский слог потянуло его.

Ульяна несколько дней кряду Игната не видала. И вдруг заметила, что за ужином Катерина письмо будто бы читает. А почерк на конверте Ульяне знаком. Милого это почерк.

Бабе сердце таких догадок терпеть не может. Заглянула девушка в тот флигель, где гостья рыжая почивать изволят. Горница пуста, а письмо смятое на стол брошено. Разглядила она лист и обмерла — там одна лишь строчка:

Приходи.

Ясно, что подумала девушка при виде этого клочка бумаги. Шасть по дому. Нет нигде Екатерины Ивановны. Папенька лежит у себя с подагрой, это значит, выпил и уснул. Тайком, чтоб никто не видел, Ульяна вышла из имения, хотя уже и месяц над домами повис. И тихо-тихо пошла к хате дьячка Лесницкого.

Тот уже спал и сначала не поверил глазам, что робкая купеческая дочка ночью в двери стучит и чуть не плачет:

— Где Игнат? Видеть его хочу!

— Так он уже, почитай, другую ночь дома не спит. Всё у себя в церковном притворе до рассвета время проводит. Говорит, что иконы свои малюет. Стой! Куда же ты?

— Мне с Игнатом поговорить надо, — шепчет Ульяна. А на самой лица нет. И норовит уйти по той самой тропинке, где отца Григория неживого нашли.

Лесницкий, царствие ему небесное, был человек ещё не старый и с пониманием. Другой бы обругал сумасшедшую девку — да двери на засов, а этот велел обождать минуту. Накинул кожух, взял фонарь да проводить Ульяну отправился. Смелый был мужчина, даром что духовного сословия.

Вот подходят они к церкви. Стоит она тёмная, молчаливая, но отблеск лампы в ней дрожит. И не в каморке Игнатовой, а у самого алтаря. Вошли Ульяна и Лесницкий и сразу увидели Гната. Тот на ступени престольные присел и на дверь, не отрываясь, смотрит. А перед ним на полу тесак пехотный лежит.

— Вы зачем, Ульяна Платоновна, сюда пришли? — спрашивает он голосом пустым. — Я не вас тут нынче жду, а ведьму клятую.

Ульяне и хочется обнять его, и боязно. А Лесницкий человек здоровый был и немало житейского опыта. Он в ведьм и чертей не верил, только в Бога православного. А вот про то, как богатые барыни с молодыми крестьянами грешат, слышал неоднократно. Смекнул дьячок, где бы мог Игнат полюбовницу спрятать, и дверь в каморку тёмную толкнул.

А только не нашёл он там Екатерины Ивановны. Да и икон не увидел ни одной. Как посветил дьячок фонарём, как огляделся — увидел тут и там доски иконописные. Какие пустые, а на иных рожи дикие да похабные кое-как намалёваны. Будто всякий раз, запираясь тут, художник злобу свою на мир изливал.

— Да полно, парень, — молвил тут Лесницкий: — правда ли ты шесть лет в монастыре художеству своему учился? И знал ли отец Григорий, каков ты есть? Да не оттого ли...

А только больше ничего он выговорить не успел. Потому что Игнат его по затылку тесаком ударил, да не плашмя, а самым лезвием. Ульяну-то сперва плечом оттолкнул, вот она в церкви и осталась наедине с ним, с душегубцем.

Лампада горит, пламечко колыхается. Иконы, точно живые, со стен церковных глядят, а помочь не могут.

— Игнатушка? Игнатушка, ты что же, ума решился?

— Может и так, Ульяна Платоновна. Может и так. Хотел я нынче ночью ведьму рыжую здесь подстеречь да голову ей срубить, а после с вами обвенчаться. Но видно судьба такая, Ульяна Платоновна. Не играть нам свадьбу. Вы только не печальтесь. Долгого счастья у нас с вами быть не могло...

Шепчет это Игнат, а сам следом за Ульяной идёт. Она — от него. По лестнице на хоры отступает, а он — за ней. Тесак окровавленный в руке качается.

— Игнатушка, ты же добрый всегда был! С самого детства...

— Был, да весь вышел...

Взошли они на хоры, и видит Ульяна: не сбежать ей. Закричала изо всех сил, но у девушки юной голос слаб. Но лишь замахнулся парень клинком своим, вдруг погасла лампада. И во мраке огласил церковные стены другой крик. Такой, которого и в аду, пожалуй, не услышишь. Не человеческий, а скорее крик зверя. Так коты орут, когда по весне подерутся да в морду друг другу когтями вцепятся.

Даже в крайних домах деревенских тот крик слышали люди. И так страшен он был, что мужики, кто посмелее, во дворы повывагали. Посовещались и, запалив огни, решились идти к церкви. Узнать, что там за нечистая сила злодеяния творит.

Как вбежали в церковь люди с фонарями, видят: художник-то богомаз на полу лежит, корчится. На щеке четыре пореза, как от ножа, и кровь ручьём бежит, да не в том беда. А вот с хоров падая, о ступени алтарные спиной приложился. Не только рёбра, но и хребтину переломил. Однако, жив ещё. Прямо над ним Екатерина Ивановна стоит, смотрит. Простоволосая, греха не боится. Словно и не в церкви, а по собственному имению от бессонницы погулять вышла. И как сюда попала?

А Ульяна к стене жмётся, шепчет:

— Игнат... Игнатушка...

— Нет давно твоего Игната. Мёртвый он, — отвечает ей спокойно Катерина, — да только не в наших краях похоронен. Зарыто тело его в лесу под Ижорами.

И голос у вдовы подполковника Уварова совсем иной стал. Такая манера у тех, кто знает много, а воспитания настоящего не имел. Шинкари так изъясняются, целовальники в кабаках, кондуктора поездные. А ещё тюремные — те, что благородных кровей, да скатились.

Аж холодом от того голоса мужиков наших проняло, а перебить никто не посмел. Лишь лежащий на полу выплюнул пару слов, тех, что в церкви православной говорить не принято. Ульяна, невеста его несостоявшаяся, перекрестилась и бормочет:

— А это кто ж?

— А это каторжанин беглый. Арсением кличут. Он с Гнатом твоим ещё в ученичестве сдружился, да, вишь, корысть дружбы-то сильнее оказалась. Доброго приятеля в лесу под Санкт-Петербургом удавил да закопал. А всё того ради, чтобы здесь у вас его именем назваться да схорониться на время недолгое. Вы, люди добрые, не сомневайтесь. Как исправник прибудет, пусть по розыскным листам сверится. Арсения Ключева по притонам от Риги до Тобольска знают.

Молвит и глядит на увечного глазищами своими зелёными безотрывно. Не моргнёт.

— А ты, паскуда, сама отколь про то ведаешь? — стонет покалеченный парень: — Врёшь ведь! Не видал я тебя в тех притонах ни разу!

— Ой ли?

Катерина прямо к нему идёт, половицы старые под ногами её и не скрипнут. На колено привстала рядом, ну точно, как перед ксёндзом для молитвы поляки преклоняются. И этак негромко ему:

— Забыл ты, значит, как ласкал меня, как гладил? А помнишь ли, как полгода назад к Игнату голодный и без шапки на квартиру заявился? Как шепнул, что ищут тебя, что негде голову бедовую преклонить? И тот не погнушался однокашника приютить...

Знаменитый душегуб Арсений Ключев эти слова слушает, и уже пена на губах его. Знает, что всё правда. Исправник-то потом нам сказанное Катериной про каторжника подтвердил. Молодой да ранний оказался он, Ключев Арсений. И добра чужого немало прикарманил. И душ загубленных на нём почти десяток. И бабы тоже. И дети.

А Катерина всё продолжает, будто поёт:

— Игнат-то светлый был, тёплый. Всё на грядущий день виды строил. Как вернётся в село родное, как станет иконы для церкви малевать, да такие, что и в Казанском соборе повесить не стыдно было бы. Денег заработает да на Ульяне женится...

Все молчат. Даже сама Ульяна не всхлипнет, в горле у неё слёзы застряли. А рыжая не смолкает:

— А помнишь ты вечер, когда Игната подзуживать стал? Что, мол, сам он вовек богатую невесту не сосватает. Что тут навыв твой да гонор нужны в общении с девичьим полом? И надобно так обернуть, чтобы не у отца руки её просить, а чтоб девушка сама тебе на шею вешалась. А приданое, по уговору, — пополам?

Пополз злодей от рыжей Катерины. В стену спиной упёрся. Ноги, как видно, у него отнялись, так он руками за брёвна хватается, встать хочет.

— Припомни, Арсений. Разве вдвоём вы тогда с ним беседу вели? Разве не слышал вас никто? Разве я рядом там не была?

Захрипел умирающий:

— Тварь! Видел я тебя! Видел!

Затих на полуслове. По стене сполз, за икону уцепился — сорвал. И дух из него вон.

Рассказчик замолчал. Солнце клонилось к закату над лесом. От другого берега реки к нам шёл починенный паром.

— Так выходит, — спросил я, — что не была ваша Екатерина Ивановна ни ведьма, ни полковница? Просто безнравственная женщина, мошенница, которая отомстила, когда её в долю не взяли? К чему тогда вся эта повесть?

Старик искоса поглядел на меня и моего товарища. И улыбка возвратилась на его потрескавшиеся, потемневшие от табака губы.

— Мы с мужиками тогда точно так порешили, как вы умозаключить изволили. Ульяну Платоновну, конечно, домой отвели. Тело мёртвое, как положено, на месте оставили. А Катерине Ивановне посоветовали из имения Лядовых покамест не отлучаться. И послали двух человек в город на телеге за лекарем да исправником.

Катерина утром всю свою историю без запинки исправнику повторила, да особого доверия не вызвала. Чиновник и велел, очень вежливо, вещи свои ей собрать и с ним в город отправляться. Для уточнения пары формальностей.

Платон Тимофеевич пробовал возражать, но Катерина Ивановна сказала ему:

— Вы не тревожьтесь, мой друг. Я и так у вас загостилась.

А когда коляска исправника катила мимо старой хаты, где Охрим с сыном когда-то жили, Катерина вдруг попросила:

— Нельзя ли мне здесь на минуту сойти, господин исправник? Голова что-то закружилась.

Исправник — тоже человек. Лошадей придержал, барыне с коляски сам сойти помог. Лишь краем глаза посматривает, чтобы подозреваемая в преступлении не скрылась. И то, смешно подумать, не в овраг же она прыгнет.

Раз глянул... Два... И вдруг — нету никого. Позже в рапорте изложил, что «будучи обманут смиренным видом мошенницы, упустил из виду» и даже не помыслит путей её внезапного бегства.

Должности он не лишился. И потому лишь, что кое про что в рапорте умолчал.

Про то, как кинулся он к старому дому. И вместо рыжеволосой статной женщины увидел вдруг на покосившемся крыльце обычную рыжую кошку. Будто та домой вернулась, как все кошки возвращаются.

В дверь перекошенную скользнула и пропала. И не видал с тех пор никто ни кошки той рыжей, ни полковницы Катерины Уваровой.

Светлана Рудакова. РОДНАЯ КРОВЬ

Резкий вскрик — и на мгновение Марина ослепла.

Это бывало с ней. Нечасто, но с самого детства. Сильное волнение на миг выключало её из реальности. В ушах раздавался пронзительный короткий визг:

— Ии! — А потом на глаза падала чёрная пелена.

И теперь это случилось снова.

Марина читала:

— «...изменил (а) фамилию, имя, отчество Кольцова Мария Сергеевна на...» — и не могла понять написанное. Это было про неё. Но почему? Когда?

Дата на официальном бланке сообщила: в четыре года.

С похорон прошло три недели. Марина наконец заставила себя войти в опустевшую мамину комнату и достать шкатулку с документами. Так она узнала, что на самом деле её зовут Маша и что у неё нет семьи: родители пропали без вести, а её удочерила собственная бабушка. Изменила ей имя, придумала новую биографию. И уже не спросишь — зачем.

— И кто я теперь? — спросила Марина у своего отражения в зеркале. До сих пор судьба как-то не складывалась: 27 лет, но ни нормальной работы, ни мужа, ни детей, и постоянное ощущение, что настоящая жизнь ещё не началась.

А теперь она лишилась даже собственного прошлого!

Марина перебрала оставшиеся документы и нашла затёртый конверт с письмом. Неизвестная женщина рассказывала, как тяжело в одиночку поддерживать дом, просила денег и спрашивала о ребёнке.

«Я не виню тебя, Аня, что уехала. Но каждый день прошу бога, чтобы вы вернулись. Сколько нас осталось, родной крови? Ты, я и Машенька».

Обратный адрес: город Салда. Маленький уральский городишко, о котором слышали многие, но мало кто бывал: далеко, вокруг одни леса, и ничего интересного для туристов. Но именно там родилась Марина. Там сгинули её родители. И оттуда бежала её бабушка, оборвав все связи с прошлым.

Марина всегда быстро принимала решения. Сейчас она знала — надо ехать туда, где всё началось.

До Салды ходила маршрутка. Салон был полным, но люди постепенно высаживались в городках, бусинами нанизанных на трассу. До конечной Марина добралась в одиночестве.

Вышла на автостанции, навьючила на спину рюкзак и огляделась. Перед ней была пустая площадь. Асфальт потрескался, сквозь него пробились целые островки зелёной травы. Слева торчал одинокий киоск со всякой всячиной, а чуть подальше виднелся небольшой сквер.

Июльская жара давила.

Марина проверила телефон и чертыхнулась. Связи не было. Знала бы, распечатала карту города. А теперь — ищи эту улицу Зелёную, дом 1, что указаны на конверте!

— Мм! — что-то метнулось сбоку, и на Марину уставился жуткий мужик. Грязный, воняющий. С безумными глазами.

Марина отшатнулась. Тяжёлый рюкзак перевесил, и она, как большая черепаха, свалилась на спину. Бродяга наклонился над ней. У него были сухие потрескавшиеся губы, на щеках пробивалась седая щетина. Марина увидела, как скрюченные пальцы тянутся к её лицу, и не выдержала:

— Мамочки!

Ей вторил пронзительный, нечеловеческий вопль. Бродяга дёрнулся, зарычал и закружился на месте, лупя себя по загривку. Всё ещё лёжа на земле, Марина увидела кота. Чёрно-белый зверь висел на спине бродяги, завывая и раздирая его спину.

Мужик рухнул на асфальт и начал по нему кататься. Марина ахнула, но кот уже отпустил жертву и отпрыгнул. Мужик неуклюже поднялся и поковылял прочь, бормоча и отмахиваясь, словно от осы.

Марина выпростала плечи из лямок и села.

— Котик, спасибо! — Она протянула руку, не дотрагиваясь до взбудораженного зверя. Кот напоследок фыркнул и успокоился, подставил ушастую голову под благодарную ласку.

Марина встала, снова надрючила на себя рюкзак и направилась к киоску, спросить адрес у продавца. Та выскочила из своей будочки, плеща руками и причитая:

— Вот ведь ошурок! И сколько мы жаловались, нет, ходят, людей пугают! Не повредил он вас, деушка?

— Нет. Кот помог.

— Видела, да! Кошки у нас боевые, иной собаку не заведёт, а кошку обязательно.

— Вы не подскажете адрес? — спросила Марина. — Улица Зелёная.

Подведённые синей тушью глаза киоскёрши уставились на неё с недоумением, а может, испугом.

— А вам зачем? Нечего там делать.

Марина удивилась, но из вежливости ответила:

— Родственников ищу.

— Да какие родственники! Всё давно заброшено. Там молодёжь иногда собирается, того и гляди, подожгут чего-нибудь. Слушай, деушка, если тебе комнатку снять, так я помогу.

Стоять на жаре и припираться Марине не улыбалось.

— Нет, спасибо. Я сама разберусь. — Она кивнула и направилась в сторону скверика, манившего тенью.

— Ну, тогда идите как идёте! — догнал её обиженный голос киоскёрши. Марина не оборачиваясь помахала рукой.

Она прошла сквер насквозь. Город в этом районе был одноэтажным. Марина шла и разглядывала наличники на окнах. Людей было мало, может, копались в огородах. А вот кошек — действительно много. Они перебегали улицу, сидели на заборах, валялись прямо в придорожной траве. Неожиданно Марина обнаружила спутника. Её хвостатый спаситель явно вынырнул из портала, потому что появился неожиданно и как ни в чём не бывало побежал рядом.

Дома вокруг постепенно теряли свежий вид и ухоженность, как будто хозяевам становилось не до них. Впереди был лес. Именно здесь и обнаружилась нужная улица. Она шла поперёк, словно подводила городу черту.

— Куда? — спросила Марина у кота. Длинный ряд домов тянулся в обе стороны. Даже отсюда, из переулка, было видно, что киоскёрша не обманула: искать тут нечего и некого. Здесь давно никто не жил.

Кот нетерпеливо дрожал хвостом. Марина повернула направо, и выбор оказался верным. После десятка домов с провалившимися крышами она нашла его — дом своей семьи.

Небольшой, двухэтажный, из красного кирпича. Он глядел на лес пустыми оконницами, но в остальном казался целёхоньким.

Марина стояла и смотрела. Ну, вот она и вернулась. Наверное, нужно чувствовать что-то особенное, но в душе было тихо.

— Ты первый, — предложила она коту и толкнула калитку. — Ай!

Видимо, даже этот крепкий с виду дом начал сдавать. Деревянное полотно калитки оказалось занозистым, а в одном месте и вовсе торчал гвоздь. Зашипев от боли, Марина сунула пораненный палец в рот. Не хватало ещё подцепить инфекцию!

Кот уже был во дворе. Марина шагнула следом.

* * *

Двор зарос травой и весёлыми одуванчиками. Жужжал шмель. Пролетела бабочка. Четырёхлетняя Машенька бегала за ней с сачком и всё время промахивалась.

* * *

— Ии!

Визг проколол невидимый пузырь, в котором запечаталось неожиданно всплывшее воспоминание. Чёрная молния сверкнула перед глазами. Марина медленно выдохнула, снова обретая слух и зрение. Привыкнуть к этим приступам было невозможно.

В дом вело высокое крыльцо. Первое, что бросилось в глаза — огромное граффити на стене коридора: «НЕ СМОТРИ». Подростки! Её предупреждали.

Марина сгрузила рюкзак и, наконец, вздохнула свободнее. Обработала ранку и прошлась по дому. Самодеятельные художники отметились в каждой комнате: «НЕ СМОТРИ», «СПИ», «НЕ ПРОСИ», «ОН ПРИДЁТ» и рисунки монстра, куда ж без этого.

Из окон второго этажа был виден лес. Марина решила, что не пойдёт искать хостел, останется в доме. В конце концов, ради знакомства с ним она и притащилась за тридевять земель.

— Макс, калитку поддержи! Да бл... опять я об этот гвоздь!

Неожиданный вопль с улицы заставил осторожно выглянуть во двор. Туда как раз протиснулся парень, навьюченный, как и она недавно, объёмистым рюкзаком. «Макс», очевидно, уже вошёл в дом. Марина прислушалась. Сейчас они увидят её вещи. И точно, снизу раздались возбуждённые голоса, которые резко стихли. Гости затаились.

— Я наверху! — крикнула Марина. Не в прятки же играть.

Раздались шаги, и в дверном проёме показались два подростка лет по шестнадцати-семнадцати. Черноволосый крепыш так и стоял с рюкзаком, а его блондинистый друг держал в руках баллончик с краской.

— Привет, — сказала Марина. — Это вы тут тэгаете?

Парни переглянулись.

— И мы тоже, — ответил блондин. — А чо? Здесь заброшка.

— Да я просто так. Есть красивые куски, — похвалила Марина. Подростки не ожидали этого и слегка оттаяли.

Брюнет сбросил рюкзак и с облегчением плюхнулся на него. Блондин же прошёлся вдоль стены с рисунками, как бы заново оценивая работу.

Марина решилась спросить:

— Слушайте, парни, я в городе кое-кого ищу. Кольцовых. Не слышали? Они раньше жили здесь.

Подростки сначала пожали плечами, но на последней фразе насторожились.

— А вы не путаете? — спросил блондин.

Марина покачала головой.

— Я тоже здесь жила, в раннем детстве. Я Кольцова. Мария.

Она прислушалась к себе: обрётённые имя и фамилия оставались пустым звуком. Хоть Кольцова, хоть Орлова. Хоть Мария, хоть Катя. Всё одно.

Блондин сказал:

— Это дом Стёпки-самохода. Вы его родственница?

— Наверное. Мои родители погибли, а бабушка ничего ни о ком не рассказывала.

Марина вспомнила, как мама (трудно думать о ней как о бабушке!) иногда приходила в отчаяние от её выходок и кричала:

— Непутёвая! Стёпкино семья!

Но это казалось просто экзотическим ругательством.

— А кто он такой, этот Стёпка?

— Ну, он на заброшенную шахту ходил за изумрудами, — включился в разговор брюнет, — разбогател, а потом сошёл с ума и перерезал полгорода! — Парень выпучил глаза и чиркнул пальцем по горлу. Приятель шикнул на него:

— Хватит выделяться, Гриха! Он просто пропал.

«Как мои родители», — подумала Марина. В ушах зазвенело. Она коротко тряхнула головой. Не надо сейчас видений!

— А где эта шахта, не знаете?

Гриха хохотнул:

— Её многие ищут, денег всем охота. Но у них потом крыша едет. У нас тут психбольница постоянно пополняется. Иногда ошурки сбегает, вот тогда веселье!

— Уже познакомилась. Вы сюда с ночевой? — Марина кивнула на рюкзак. — Я тоже хочу тут заночевать. Не против?

Ей показалось, что мальчишки странно отреагировали на её простой вопрос, но блондин кивнул:

— Ночуйте. Только к нам не лезьте.

Марина забрала свои вещи, снова поднялась, нашла комнату почище, достала пенку, спальник и походную газовую плитку. Разогрела кашу с мясом. Появился кот, начал обхаживать свою новую хозяйку, активно мурча.

— Давай ужинать, — Марина обрадовалась появлению самозванного питомца. Он немного гасил ощущение потерянности.

Она отложила немного каши коту, устроилась прямо на спальнике и принялась за еду сама, поглядывая в окна напротив и думая, как здорово было бы тут поселиться. Всё отремонтировать, сидеть по вечерам с чашкой чая и смотреть на лес. Зимой тут, наверное, вообще сказка: тихо, бело.

Небо в оконных проёмах постепенно серело. Лето перевалило за середину, и сумерки с каждым днём становились всё плотнее.

— У вас вкусно пахнет.

С перепугу Марина чуть не уронила миску. В двери толклись оба мальчишки, принюхиваясь не хуже кота.

— Заходите! Вы голодные, что ли?

— Да не, мы бургеры ели. Но вы прям нормально устроились.

— Опыт. — Марина не стала рассказывать, как во времена безбашенной юности таскалась с друзьями по лесам, автостопила на трассе. Оттуда и привычка к походной жизни. И вечные «контры» с мамой (бабушкой!)

— Кашу будете?

Блондин замялся, а его друг не стеснялся:

— Будем! — Приятели притащили из «своей» комнаты ящики, термос и несколько «Сникерсов», пластиковые миски и ложки. Кот уже дремал, развалившись на спальнике, и брюнет, Гриха, уважительно сказал:

— Кошки вас любят.

— Да просто приبلудился, — отозвалась Марина.

— Не, у нас говорят: «Знает кошка своё окошко». — Гриха не отрывал взгляда от каши в котелке. — Кошку не обманешь! — Он принял миску и передал другу. Вторую взял себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.